

Георгиевский А.И.

Винкельман

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2625>]

[Публикация работы:]

Георгиевский А.И. 1851: Винкельман // Пропилеи. Сб. ст. по классической древности Т. 1. Ч. 2 / П. Леонтьев (ред.). М., 3-48.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

=

**СВѢДѢНІЯ О ТРУДАХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ
ПО ЧАСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.**

11

ВИНКЕЛЬМАНЪ.

=

Винкельманъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ геніальныхъ ученыхъ, которыхъ имя сливается въ одно съ представленіемъ самой науки, бывшей предметомъ ихъ изученія, и всегда возбуждаетъ живое, горячее сочувствіе въ людяхъ, умѣющихъ цѣнить ту науку. Онъ справедливо называется отцемъ археологіи и исторіи античнаго искусства. Среди груды отрывочныхъ, разнообразныхъ свидѣній о художественныхъ произведеніяхъ Греціи и Рима, среди безконечнаго множества памятниковъ древняго искусства, которые еще не были приведены въ порядокъ, къ которымъ не прикасалась еще никакая классификація, которые были отрывками одного великаго, но неизвѣстнаго цѣлаго, Винкельманъ умѣлъ найти нить, связующую всѣ эти явленія, умѣлъ возвыситься до пониманія историческаго развитія искусства; мало того, онъ возстановилъ по возможности то цѣлое, къ которому принадлежали всѣ тѣ памятники. Онъ не только первый положилъ прочное основаніе археологіи и исторіи античнаго искусства, но и возвелъ на этомъ основаніи великое зданіе, которое, правда, разрушилось во многихъ своихъ частяхъ и было возстановлено въ лучшемъ видѣ и съ большею правильностью трудами новѣйшихъ ученыхъ; но самыя эти труды, которые повели дѣло такъ далеко впередъ, но самыя требованія, которыя обращаемъ мы теперь къ исторіи древняго искусства, не были бы возможны, если бы имъ не предшествовали великіе труды Винкельмана.

Кн. I. Отд. II.

1

Біографія такого великаго дѣятеля должна возбуждать всеобщій интересъ. На этотъ разъ мы думаемъ ея ограничиться, не входя въ разсмотрѣніе содержанія его сочиненій. Мы намѣрены представить обзоръ главныхъ событій въ жизни Винкельмана, весьма разнообразной и въ высшей степени интересной. Не будемъ, впрочемъ, подробно излагать его біографію: мы имѣемъ только въ виду, чтобъ изъ нашего очерка можно было узнать весь ходъ его развитія и самыя крупныя черты его характера.

Жизнь Винкельмана представляетъ три періода. Первый, отъ рожденія В., 9 Декабря 1771 г. до 1743 г., обнимаетъ все первоначальное время его воспитанія и образованія, которое впрочемъ для человѣка, развивающагося, какъ В., разумѣется, не оканчивается какимъ нибудь извѣстнымъ годомъ или возрастомъ. Второй, отъ 1743 до 1754 г., представляетъ намъ В. на тѣсномъ поприщѣ первоначальной его службы сначала въ званіи народнаго учителя зегаузенской школы, потомъ въ званіи бібліотекаря при частной бібліотекѣ графа Бюнау, въ Нётеницѣ. Все это время мы видимъ его въ тяжелой борьбѣ со внѣшними трудностями, которыя силились подавить въ немъ зародышъ великаго развитія, отвести его отъ цѣли, къ которой влекло его непреодолимое желаніе; мы находимъ его въ самомъ трудномъ положеніи, но, несмотря на то, онъ исполненъ довѣрія къ себѣ, вѣренъ своему высшему призванію и твердо идетъ по пути къ отдаленному, новому, но силою убѣжденія искомому счастью. Наконецъ, третій періодъ начинается пожертвованіемъ прежнихъ религіозныхъ вѣрованій, которое дало ему 13 лѣтъ пребыванія въ Римѣ, и оканчивается страшнымъ злодѣяніемъ 8 Іюня 1768 г., прекратившимъ жизнь В. въ лучшую пору его мужества, въ самую ту минуту, когда онъ передавалъ бумагъ послѣднія свои мысли объ изданіи памятника своей жизни — исторіи искусства.

О двухъ послѣднихъ періодахъ его жизни мы имѣемъ драгоценное подлинное свидѣтельство самого В. въ письмахъ его ко многимъ изъ друзей, и особенно къ товарищу Берендсу. Воспитанный въ одиночествѣ, въ обществѣ привыкшій воздерживать себя отъ общительности, застѣнчивый, только въ письмахъ чувствуетъ онъ всю свою природную свободу и безъ опасенія представляетъ себя такъ, какъ самъ себя знаетъ. Въ письмахъ содержится вся жизнь его. Они тѣмъ драгоценнѣе для насъ, что по самой природѣ своей онъ держался всегда ближайшаго, довольствовался однимъ мгновеніемъ и въ немъ сосредоточивалъ все существо свое.

Но о воспитаніи къ сожалѣнію сохранилось слишкомъ мало достовѣрныхъ послѣдовательныхъ извѣстій; мы не можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за его первоначальнымъ развитіемъ; а между тѣмъ эта эпоха въ жизни каждаго челоѣка едва ли не самая важная и самая занимательная. Въ ней интересно отыскивать всѣ отдѣльныя, еще не сложившіяся черты будущаго характера, будущаго міросозерцанія, находить зародыши тѣхъ свойствъ и тѣхъ стремленій, изъ которыхъ организуется будущій мужъ. Въ біографіи В., также какъ и многихъ другихъ великихъ людей, мы лишены возможности знать подробности изъ этого времени. Мы знаемъ изъ собственныхъ его словъ, что всѣмъ своимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ самому себѣ; что съ самой ранней поры въ немъ оказалась непреодолимая охота къ ученію, которой онъ находилъ пищу въ изумительномъ своемъ прилежаніи, но въ тоже время долженъ былъ ей во многомъ отказывать, потому что все образованіе его совершалось при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ образованіяхъ. Собственный его гений, собственные его силы должны были пролагать ему дорогу и замѣнять недостатокъ того, чего не могло дать ему, ни его время, ни внѣшнія условія его жизни.

Съ перваго раза классическая литература, и особенно греческая, привлекла всю его склонность; ей посвящалъ онъ большую часть своего времени и лучшія свои силы. Онъ хотѣлъ проникнуть въ самый духъ ея, узнать ее во всѣхъ подробностяхъ, а вмѣсто того, что предлагали ему современныя германскія школы, могли ли онъ удовлетворить его любознательности? Нисколько: греческая литература, которая почти вовсе не была извѣстна въ Средніе Вѣки, съ которой началось знакомство только со времени возрожденія наукъ, т. е. съ 16-го вѣка, не была еще вовсе воздѣлана и объяснена. Ученые того времени не возвысились еще надъ черною работою до пониманія ея значенія и смысла. Они ограничивались одностороннимъ объясненіемъ того или другаго автора, болѣе всего посвящая вниманіе грамматическому толкованію. До 60-хъ годовъ 18-го вѣка изученіе греческой литературы и древностей и ихъ преподаваніе были въ довольно жалкомъ положеніи, не приводили къ глубокому пониманію лучшаго изъ двухъ классическихъ народовъ и ни въ какомъ случаѣ не могли служить къ объясненію тѣхъ великихъ памятниковъ искусства, которые время сохранило на удивленіе позднѣйшаго потомства. Только съ той поры, какъ на поприщѣ нѣмецкой литературы появились Винкельманъ, Лессингъ, Фоссъ, и заодно съ ними начало дѣйствовать еще столько другихъ ученыхъ,

знаніе греческой литературы, искусства и древностей сдѣлало быстрые удивительные успѣхи и могло стать на ту высокую степень, на которой теперь находится.

Итакъ, современная греческая филологія предлагала В. слишкомъ мало пособій, слишкомъ мало удовлетворяла его любознательности; онъ предоставленъ былъ собственнымъ своимъ силамъ, собственному труду, и своимъ высокимъ пониманіемъ греческаго искусства и древностей онъ исключительно обязанъ самому себѣ.

Съ другой стороны, рожденный въ небольшомъ городкѣ Пруссіи, въ Штендалѣ, при крайней бѣдности своихъ родителей, онъ долженъ былъ самъ снискивать себѣ средства для того, чтобы воспользоваться и тѣми учебными пособіями, которыя предлагала ему современная наука! Съ самаго ранняго возраста и до отъѣзда въ Римъ, онъ долженъ былъ отнимать у себя время на постороннія занятія (напр. давать уроки) для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба и быть въ состояніи пріобрѣтать себѣ книги и продолжать ученый трудъ. И однакожъ на перекоръ всѣмъ этимъ затрудненіямъ онъ достигъ своей цѣли: извѣдалъ греческую литературу и искусство въ возможной полнотѣ и цѣлости.

В. родился въ 1717 г. Отецъ его, бѣдный башмачникъ, далъ ему самое бѣдное и необходимое въ то время образованіе въ городской школѣ. Желая передать единственному сыну свое мастерство, онъ уступилъ только настоятельнымъ, усиленнымъ его просьбамъ, дозволивъ ему посѣщать латинскую школу; здѣсь за право обученія и необходимыя книги платилъ молодой В. уроками, которые давалъ товарищамъ. Изумительнымъ прилежаніемъ, любовью къ наукамъ и дарованіями онъ обратилъ на себя вниманіе почтеннаго ректора школы, Тапперта, который вскорѣ ослѣпъ и тогда взялъ къ себѣ въ домъ любимаго своего ученика. Положеніе В. улучшилось: читая старцу греческихъ и латинскихъ классиковъ, онъ могъ усовершенствоваться въ древнихъ языкахъ и воспользоваться многими учеными замѣчаніями ректора. Какъ велико было прилежаніе В., можно судить по тому, что онъ никогда охотно не принималъ участія въ дѣтскихъ забавахъ своихъ товарищей, всегда искалъ удобнаго случая удалиться отъ нихъ и въ уединеніи образовывалъ свой вкусъ постояннымъ чтеніемъ. Когда впослѣдствіи онъ сталъ ихъ надзирателемъ и долженъ былъ сопровождать ихъ во всѣхъ прогулкахъ, и тогда не разставался онъ съ тетрадками незнакомыхъ ему греческихъ словъ, которыя выучивалъ наизусть. Въ такомъ подра-

женіи оставался онъ до 16-лѣтняго возраста. Замѣтимъ два факта, которые въ глазахъ нашихъ имѣютъ особенную важность и относятся къ этому времени. В. порученъ былъ надзоръ за школьною библіотекою, которая, правда, была незначительна, однакожъ содержала почти всѣхъ классиковъ, и кромѣ того одно замѣчательное сочиненіе съ гравюрами, относившееся къ древнему искусству (это *Neueröffneter adelicher Ritterplatz*). В. прочелъ всѣхъ классиковъ, и съ жадностью перечитывалъ послѣднее сочиненіе: оно открыло ему совершенно новый для него міръ, въ первый разъ познакомило съ живописью и скульптурой, въ первый разъ остановило на нихъ его вниманіе. Въ связи съ этимъ случайнымъ вліяніемъ, которое не было для него потеряно, находится еще другой фактъ. Просиживая нерѣдко цѣлыя ночи за чтеніемъ классиковъ, онъ уже неразъ чувствовалъ въ себѣ сильное влеченіе побывать не только въ Италіи, но даже въ Греціи и Египтѣ. Съ удовольствіемъ предаваясь мечтамъ объ этихъ дальнихъ путешествіяхъ, онъ между тѣмъ отправился въ Берлинъ и тамъ поступилъ въ кѣльнскую гимназію, надѣясь уевершенствовать свое образованіе и болѣе удовлетворить своей любознательности. Изъ Берлина совершилъ онъ путешествіе пѣшкомъ въ Гамбургъ для покупки нѣсколькихъ книгъ изъ библіотеки знаменитаго Фабриціуса, которая продавалась тогда съ аукціона; и съ связкою этихъ книгъ за спиною снова возвратился въ Берлинъ. Такъ дорого доставались тогда бѣднымъ любителямъ классической литературы ученыя средства, такіе великіе труды предпринимались тогда изъ любви къ наукѣ.—Берлинская гимназія въ отношеніи къ греческой филологіи стояла также на весьма низкой степени: неудовлетворенный В. скоро возвратился въ Штендаль: здѣсь по крайней мѣрѣ былъ онъ съ своими родителями, которыхъ нѣжно любилъ, и которымъ находилъ возможность помогать, несмотря на скудость собственныхъ средствъ.

Въ 1788 г. мы находимъ В. въ Галлѣ въ университетѣ, и притомъ по желанію покровителей на богословскомъ факультетѣ. Но онъ не чувствовалъ въ себѣ никакой охоты къ званію сельскаго проповѣдника; напротивъ классическая древность попрежнему привлекала къ себѣ всѣ его силы, и гораздо чаще посѣщалъ онъ библіотеку, чѣмъ лекціи. Уже тогда объяснялъ онъ Геродота, будто внушенный геніемъ, по выраженію одного современника. Но нѣтъ возможности совершенно оградить свое образованіе отъ постороннихъ вліяній, дать ему единство, вести его къ одной цѣли по предначертанному плану, не сбиваясь повременамъ на другіе окольные

пути. В. официально изучает богословіе, въ тоже время въ библіотекѣ канцлера Фонъ-Людвина, которую приводитъ въ порядокъ, онъ выслушиваетъ отрывками курсъ феодальнаго права; потомъ нѣсколько лѣтъ спустя отправляется въ іенскій университетъ съ цѣлью усвоить себѣ медицину и высшую математику; между тѣмъ дѣлаетъ успѣхи въ изученіи англійскаго и итальянскаго языковъ. Но и этимъ не кончается разнообразіе отрывочныхъ знаній, которыя онъ долженъ былъ приобрѣсти въ сторонѣ отъ главнаго своего предмета. Въ 1742 г. онъ живетъ въ Гадмерслебенѣ, въ домѣ Лампрехта, и занимается воспитаніемъ старшаго его сына, къ которому, замѣтимъ мимоходомъ, онъ чувствовалъ постоянную, самую нѣжную дружбу. Здѣсь онъ познакомился съ г. де Гансъ (Hanses), который вывезъ изъ Парижа довольно значительную библіотеку французскихъ историковъ. В. занялся исторіею, два раза прочелъ историко-критическій словарь Байля, сдѣлалъ изъ него выписки. Если съ такимъ разнообразіемъ обыкновенно бываетъ связана отрывочность и нѣкоторая неосновательность, то оно имѣетъ и свою хорошую сторону: оно предохраняетъ отъ односторонняго и узкаго взгляда при изученіи того предмета, на которомъ успѣлъ сосредоточиться главнѣйшій интересъ. Можетъ быть, отъ этого разнообразнаго приготавленія произошла та обширность и живость взгляда, которыми отличаются произведенія В. Другой примѣръ тому въ Нибуръ. — Но какъ ни разнообразны были Винкельмановы занятія, онъ постоянно возвращался къ одному предмету, къ классической древности, въ которой находилъ что-то близкое для себя, родственное. Въ человѣкѣ и въ искусствѣ, которое по преимуществу занимается человекомъ, онъ постоянно искалъ прекраснаго, достойнаго, такого, что соответствовало бы прекрасной внутренней его организаціи. Отъ искусства сочувствіе его переносилось и на внѣшнюю природу: онъ способенъ былъ тѣшиться ея красотою, сливаться съ нею въ одно цѣлое и находить въ ней соответствіе тому, что лежало на глубинѣ его души. И въ послѣднее время, по словамъ Шеллинга, онъ глубоко чувствовалъ въ себѣ одну потребность: отъ искусства перейти къ разсмотрѣнію природы, извѣдать ее, какъ одно живое, великое цѣлое, которое также подчинено непреложнымъ Законамъ.

Къ этой же первой эпохѣ, когда В. больше всего заботился восполнить недостатокъ своего образованія, относится одинъ случай, который имѣетъ особое значеніе и указываетъ на одно характеристическое свойство великаго мужа. Этотъ случай относится къ времени его пребыванія въ Галле. Читая войны Цезаря въ Галліи, онъ

такъ увлекся чтеніемъ , что почувствовалъ непреодолимое желаніе видѣть страну, гдѣ происходило дѣйствіе; тотчасъ же, несобравшись съ нужными средствами , уступая только живости характера и невольному влеченію, онъ пѣшкомъ отправился во Францію и дошелъ до Гельнгаузена (недалеко отъ Франкфурта на Майнѣ). Только совершенный недостатокъ средствъ и вспыхнувшая война за баварское наслѣдство заставили его возвратиться назадъ. Мы знаемъ , что онъ и прежде мечталъ посѣтить Италію , Грецію и даже Египетъ , мы замѣтили, еще въ 15-лѣтнемъ В. потребность собственными глазами узнать тѣ страны , въ которыхъ уже давно жило его воображеніе. Этотъ новый фактъ указываетъ на ту же живость представленій и соединенную съ нею глубокую потребность созерцать то , что онъ представлялъ себѣ, узнать по собственному опыту то , что онъ зналъ по книгамъ. Эта потребность лежала глубоко въ самомъ существѣ его , она поддерживала и усиливала въ немъ постоянное желаніе побывать въ средоточіи искусствъ , на классической почвѣ Италіи; она объясняетъ намъ этотъ переходъ отъ изученія классической литературы къ изученію классическихъ образовательныхъ художествъ , потому что содержаніе ихъ одно и тоже, и В. по собственной своей природѣ долженъ былъ искать внѣ себя, во внѣшнемъ мірѣ, то , что представляло ему воображеніе, исполненное гомерическихъ образовъ; онъ долженъ былъ искать тѣлесныхъ образовъ , соответствующихъ тѣмъ идеаламъ , которые образовались въ немъ вслѣдствіе изученія греческихъ повтовъ. Это соответствіе нашелъ онъ въ остаткахъ древняго образовательнаго художества , которое могло служить лучшимъ комментариемъ къ греческой поэзіи , исполненной пластическаго характера. Къ изученію памятниковъ образовательныхъ художествъ вела его по правильному пути его собственная природа. Совершить большой переходъ отъ классической поэзіи къ пластикѣ помогло ему послѣ знакомство съ художниками.

Полтора года пробылъ В. въ домѣ Лампрехта, занимаясь воспитаніемъ его сына и изучая французскихъ историковъ. Но какъ ни удалялся онъ отъ своего предмета, какъ ни блуждалъ въ обширномъ кругу различныхъ знаній, увлекаемый то собственною охотою, то необходимостью, онъ всегда чувствовалъ непреодолимое желаніе возвратиться къ центральному предмету своего изученія , къ греческой древности, съ которой чувствовалъ себя въ близкомъ родствѣ, съ которою долженъ былъ соединиться въ лучшую пору своей жизни. Поэтому въ 1743 г. онъ съ радостью принялъ предложенное ему званіе ковректора въ зеггаузенской школѣ, надѣясь, что оно дастъ

ему много свободного времени для любимых его занятій, съ другой стороны, разсчитывая, что вознагражденіе будетъ довольно значительно и дастъ ему возможность помогать бѣднымъ своимъ родителямъ. Но то и другое ожиданіе было горько обмануто: эти пять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ зегаузенской школѣ, обучая грязныхъ и лѣнивыхъ учениковъ чтенію и письму, были самою горькою эпохою въ его жизни. Ему суждено было снести всевозможныя лишенія и униженія, прежде чѣмъ могъ онъ выбратся на настоящій свой путь, слѣдовать свободно внутреннему призванію и получить обширный кругъ дѣятельности. Однакожъ, какъ ни мало привлекательна, какъ ни тѣсна была та сфера, въ которую онъ теперь былъ поставленъ, онъ со всѣмъ возможнымъ усердіемъ старался исполнить свои обязанности и своими разнообразными познаніями, яснымъ живымъ преподаваніемъ, ласковымъ обращеніемъ извлекалъ своихъ учениковъ изъ усыпленія, въ которое они впали отъ жесткаго и сухаго преподаванія его предшественника Бойзена; для бѣднѣйшихъ, которые не могли купить себѣ классиковъ, онъ собственноручно списывалъ избранныя мѣста, которыя хотѣлъ съ ними прочесть. На этомъ поприщѣ школьнаго учителя долженъ онъ былъ испытать все, что имѣетъ оно тягостнаго и стѣснительнаго, однакожъ сохранилъ бодрость духа и остался вѣренъ той цѣли, къ которой былъ призванъ, какъ внѣшнія обстоятельства ни силились отдалить отъ нея.

Здѣсь онъ могъ удовлетворить своей склонности только изученіемъ греческихъ поетовъ, и это изученіе продолжалъ онъ съ неутомимымъ рвеніемъ, просиживая за греческими классиками до полуночи, засыпая на креслѣ, для того чтобъ на другой день встать въ 4 часа и продолжать свои занятія до 6, а въ этотъ ранній часъ уже снова начинались его скучные школьные уроки.

Въ такомъ положеніи пробылъ онъ пять лѣтъ. Наконецъ оно стало невыносимо: между нимъ и его начальникомъ, инспекторомъ школъ Шнакенбургомъ, произошли непріятности, которыя при болѣзненной раздражительности Винкельманова характера сдѣлали для него дальнѣйшее пребываніе въ Зегаузенѣ невозможнымъ. Непріятныя отношенія произошли оттого, что В., обязанный еженедѣльно въ Воскресенье бывать въ церкви, вмѣсто того, чтобъ слушать плохія проповѣди Шнакенбурга, принимался за чтеніе Гомера. Это было донесено инспектору. Разсерженный Шнакенбургъ позволилъ себѣ однажды обвинить В. въ непониманіи ни одного латинскаго классика. Такое обвиненіе больше всего раздражило В. Онъ былъ очень

честолюбивъ и постоянно требовалъ отъ другихъ признанія своихъ достоинствъ и заслугъ. При всей своей снисходительности и уступчивости, онъ никогда не могъ простить непризнанія своихъ достоинствъ. Впослѣдствіи онъ не могъ простить Лессингу того, что этотъ великій критикъ-ученый въ своемъ Лаокоонѣ опровергалъ многія его положенія. — Мы будемъ еще имѣть случай замѣтить эту черту въ его характеръ.

В. сталъ постоянно думать о перемѣнѣ своего положенія: множество плановъ и мыслей бродило въ его головѣ, но одни оказывались несбыточными, другіе пробовалъ онъ привести въ исполненіе и не могъ. Одного только не хотѣлъ онъ — остаться въ Зеггаузенѣ: «я многое ужѣ испыталъ въ жизни, писалъ онъ впослѣдствіи къ своему другу Берендсу, но хуже моего жалкаго положенія въ Зеггаузенѣ я ничего не припомню.» Услышавъ онъ о томъ, что графъ Бюнау, веймарскій министръ въ Дрезденѣ, владѣлецъ богатой и великолѣпной библіотеки въ Нётеницѣ, имѣній, недалеко отъ Дрездена, думаетъ сдѣлать въ ней значительныя перемѣны. В. съ радостію самъ предложилъ ему свои услуги. Желая показать свою обширную ученость, онъ написалъ ему письмо на довольно дурномъ французскомъ языкѣ, который въ то время только и цѣнилъ и употребляло хорошее вѣнецкое общество. Графъ отвѣчалъ, согласился принять его къ себѣ на службу и вмѣстѣ съ содержаніемъ выдавать отъ 50—80 талеровъ жалованья, но поставлялъ необходимымъ условіемъ, чтобы В. помогалъ ему при составленіи предпринятой имъ имперской германской исторіи, выписывая нужныя мѣста изъ источниковъ; кромѣ того, не зная вовсе В., онъ требовалъ отъ него собственной его біографіи. Согласіе графа такъ обрадовало и осчастливило В., что онъ съ обыкновенною своею живостію прижималъ къ сердцу письмо графа и не могъ съ нимъ разстаться. Онъ написалъ по латини довольно подробныя извѣстія о своей жизни и въ концѣ Сентября 1748 г. былъ уже на пути въ Нётеницъ, чтобы занять тамъ мѣсто помощника библіотекаря.

На дорогѣ, въ послѣдній уже разъ повидался онъ съ старымъ своимъ отцемъ и какъ заботливый, вѣчно благодарный сынъ, поручилъ его попеченію друга своего Удена и отдалъ ему на содержаніе, и въ случаѣ смерти на похороны, свою небольшую библіотеку, пріобрѣтенную съ великимъ трудомъ и пожертвованіями.

Въ Нётеницѣ, при великолѣпной библіотекѣ графа Бюнау, которая потомъ вошла въ составъ дрезденской королевской библіоте-

ки, оставался онъ около шести лѣтъ, продолжая по прежнему служить совершенно постороннимъ цѣлямъ. Здѣсь нашель онъ Франке, который съ 1740 г. находился на службѣ графа и умѣлъ дать его библіотекѣ превосходное устройство. Въ первое время отношенія между ними были холодныя, оффиціальныя; В. даже успѣлъ возбудить въ своемъ сотоварищѣ зависть. Но это ненавистное чувство было непродолжительно. Впоследствии когда уже В. былъ въ Италіи, Франке доказалъ свою дружбу къ бывшему своему товарищу, взявъ на себя корректуру и составленіе регистра исторіи искусства, которая тогда печаталась въ Дрезденѣ, и В. не зналъ, какъ выразить ему свою благодарность за эти добровольные труды. Послѣ того онъ уже имѣлъ его постоянно между истинными своими друзьями.

В. со всѣмъ рвеніемъ принялся за новую свою дѣятельность: желаніе отличиться и угодить своему покровителю заставило его нещадить трудовъ. Вслѣдствіе излишняго напряженія въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ посѣдѣлъ. Графъ былъ признателенъ къ нему за его усердіе и дорожилъ имъ больше всѣхъ друзей своихъ, какъ говоритъ самъ В. Не смотря на то, что онъ трудился здѣсь совершенно на чуждомъ поприщѣ, В. ближе подошелъ къ главной своей цѣли. Въ свободное время онъ всегда пріѣзжалъ въ Дрезденъ. Здѣсь онъ предавался отъ всей души наслажденію, которое доставляли ему художественныя произведенія, собранныя въ картинной галлерей и въ музеѣ антиковъ. Здѣсь же онъ познакомился со многими знаменитостями, со многими живописцами и ваятелями, и между ними съ даровитымъ, пламеннымъ Эзеромъ. Последнее знакомство имѣло на него рѣшительное и благотворное вліяніе: Эзеръ ввелъ его въ святыню искусства, сообщилъ художественный взглядъ на художественное произведеніе; подъ его руководствомъ В. изучалъ различныя школы искусства, отличительный характеръ и манеру знаменитыхъ художниковъ. Подъ вліяніемъ этихъ художественныхъ занятій въ немъ съ новою силою сказалась потребность изящнаго, постоянная любовь къ искусству; прояснилось внутреннее призваніе, и съ настоятельною, непреодолимою силою вновь проявилось желаніе быть въ Италіи и тамъ обречь себя искусству. Это постоянство, эта настойчивость В. на однажды высказавшееся желаніе, которое повидимому никогда не должно было исполниться, внушаютъ намъ справедливое къ нему удивленіе. Самъ В. говоритъ: «любовь къ искусству была величайшею моею страстью съ самой юности, и не смотря на то, что воспитаніе и обстоятельства бро-

силы меня совсѣмъ на другую колею, внутреннее призваніе мое постоянно сказывалось во мнѣ съ одинаковою силою, (предисловіе къ исторіи искусства).» «Въ то время, какъ я обучалъ неопытныхъ дѣтей азбукъ и вѣрно исполнялъ обязанности школьнаго учителя, я томился желаніемъ дойти до совершеннаго познанія изящнаго и про себя повторялъ сравненія Гомера. Въ Нётеницѣ, гдѣ по цѣлымъ днямъ я долженъ былъ дѣлать выписки изъ старинныхъ документовъ и хроникъ, день я читалъ средневѣковыя легенды, а ночь Софокла.»

Такъ непоколебимо вѣрнѣе оставался В. первоначальной своей склонности, такъ противился силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Они влекли его въ другую сторону и могли бы подавить развитіе другой личности, но В. сохранилъ отъ нихъ свободу своего духа и непобѣжденный судьбою, нашелъ себѣ наконецъ выходъ изъ своего положенія. Объясненіе этой несокрушимой твердости духа, который такъ мало зналъ радостей въ жизни и долженъ былъ побѣждать столько внѣшнихъ препятствій, можемъ найти только въ самой природѣ В., которую очень хорошо опредѣляетъ Гёте, называя ее античною и классическою. Въ самомъ дѣлѣ по самой своей природѣ В. былъ классикъ, человекъ классическаго образа мыслей и дѣйствія, раздѣлявшій всѣ хорошія и дурныя стороны характера древнихъ. Въ немъ таже цѣлость природы, тоже равномерное соединеніе силъ, которое могло произвести нѣчто единственное въ своемъ родѣ и неожиданное; тоже довольство самимъ собою при всей ограниченности внѣшней сферы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же смыслъ, направленный единственно на этотъ конечный міръ и его блага, какъ и въ древнемъ человекѣ. Наконецъ онъ также могъ найти удовлетвореніе въ тѣсныхъ предѣлахъ прекраснаго міра, также точно держался ближайшаго, дѣйствительнаго. Только при такомъ античномъ характерѣ и при его настойчивой любви къ прекрасному и искусству, могъ онъ наперекоръ судьбѣ оставаться вѣрнымъ своему внутреннему призванію. Долгое время принужденъ онъ былъ служить постороннимъ цѣлямъ, но все это время всѣ свои помыслы и желанія склонялъ онъ къ одной цѣли, и эта цѣль еще яснѣе и живѣе представилась ему, когда онъ въ Дрезденѣ вошелъ въ среду искусства. Долгое время вокругъ себя нигдѣ не находилъ онъ ни помощи, ни содѣйствія своимъ высокимъ видамъ. Графъ Бюнау, единственный его покровитель въ это время, или не хотѣлъ разстаться съ такимъ дѣятельнымъ и ученымъ сотрудникомъ, или не былъ способенъ понимать высокое достоинство заслуги — въ до-

ставленіи даровитому челоѣку средствъ къ образованію. В., привыкшій къ одиночеству, неразвязный въ обществѣ, незнакомый съ его условными приличіями, долженъ былъ самъ пролагать себѣ дорогу въ Римъ. Не разъ въ письмахъ къ Берендсу высказываетъ онъ сожалѣніе о томъ, что родился въ такомъ незначительномъ мѣстечкѣ, и что ему недостаетъ тѣхъ внѣшнихъ преимуществъ, которыми такъ дорожило современное ему общество: именно свѣтскаго образованія и умѣнья говорить на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. В. былъ честолюбивъ и зналъ, что истинное достоинство не будетъ признано безъ этихъ внѣшнихъ преимуществъ. «Какое несчастіе, пишетъ онъ Берендсу 1753 г., что я не родился въ большомъ городѣ, и не имѣю возможности ни слѣдовать своей склонности, ни формировать себя. Этого-то и недостаетъ мнѣ вмѣстѣ съ умѣньемъ говорить на иностранныхъ языкахъ. Но могу ли вознаградить этотъ недостатокъ безъ обращенія съ людьми и внѣ большаго свѣта (*grand-monde*)? Ты не выбралъ бы для этого Рима; точно, и я не сдѣлалъ бы подобнаго выбора, если бъ могъ противиться своему влеченію.» Какъ въ своемъ образованіи, въ своемъ изученіи греческаго искусства и древностей В. предоставленъ былъ собственнымъ средствамъ, точно также собственными усиліями, съ пожертвованіемъ того, чѣмъ наиболѣе дорожитъ челоѣкъ, долженъ былъ онъ и теперь расширить кругъ своей дѣятельности и кругъ своихъ познаній. Къ этому побуждало его не одно честолюбіе, которое можно впрочемъ замѣтить и въ приведенномъ нами мѣстѣ, но еще болѣе пламенная любовь къ искусству и сознаніе, что только въ Римѣ, на классическомъ почвѣ можетъ онъ изучить классическое искусство. В. твердо замыслилъ достигнуть своей цѣли; къ тому было единственное средство: онъ воспользовался имъ.

Дрезденскій Дворъ, отъ котораго можно было ожидать значительнаго содѣйствія, исповѣдывалъ римско-католическую вѣру, и едва ли Винкельману можно было надѣяться на его милость, безъ покровительства католическихъ духовныхъ іезуитовъ. Винкельману предстояло или измѣнить протестантизму, въ которомъ онъ родился, или остановиться на половинѣ пути. Последнее не было въ его натурѣ, и уже не разъ, обдумывая средства проникнуть въ классическую страну, онъ останавливался на мысли принять католическую вѣру. Желаніе быть въ Римѣ истымъ Римляниномъ, сродниться съ римскими обычаями, пользоваться тамъ общою довѣренностью, это желаніе, несбыточное, еслибъ онъ оставался протестантомъ, могло еще болѣе усилить

въ немъ рѣшимость стать католикомъ. Онъ не чуждался этой мысли, и она не встрѣчала внутри его никакихъ препятствій. При его античномъ смыслѣ, направленномъ на конечный мѣръ и его блага, онъ мало могъ войти въ христіанское міросозерцаніе, которое выводитъ насъ за предѣлы земной жизни. Тѣмъ менѣе онъ могъ вникнуть въ различія, которыя отдѣляютъ одно христіанское вѣроисповѣданіе отъ другаго. Переменѣ вѣры, въ которой родился, онъ почиталъ шагомъ неизбѣжнымъ для дальнѣйшаго своего образованія: только при этомъ условіи могъ онъ пріобрѣсть классическое образованіе въ Римѣ, и потомъ исполнить свое призваніе — возстановить въ современномъ сознаніи древне-классическое искусство въ возможной цѣлости и полнотѣ. И однакожъ этотъ шагъ, который не противорѣчилъ внутреннему его убѣжденію, стоилъ ему продолжительной и самой тяжелой борьбы. Какъ бы то ни было, какъ бы высокъ ни былъ интересъ науки, все таки онъ жертвовалъ природною своею религіею внѣшней цѣли. Онъ не могъ не опасаться общественнаго мнѣнія, особенно мнѣнія своего любимаго покровителя графа Бюнау. «А люди обыкновенно выше всего цѣнятъ постоянство, неизмѣнное пребываніе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставила насъ судьба. Они не легко прощаютъ тому, кто, движимый своимъ чувствомъ или убѣжденіемъ, возстаетъ противъ опредѣленія судьбы, они не прощаютъ тому, кто колеблется или измѣняетъ своему прошедшему.»

Винкельманъ всегда страшился общественнаго приговора; во все продолженіе его жизни замѣчаемъ мы ту же зависимость отъ общественнаго мнѣнія, тоже желаніе, чтобъ ему отдано было должное уваженіе, чтобы его достоинства и заслуги были всѣми признаны. Ему казалось, что переменѣ вѣры оскорбитъ его друзей и особенно графа Бюнау и сдѣлаетъ его презрѣннымъ въ глазахъ всего свѣта, и онъ три года не могъ преодолѣть этого опасенія и сдѣлать давно обдуманнѣй, давно рѣшенный шагъ. Гѣте замѣчаетъ, что переменѣ вѣры, самое интересное событіе въ жизни В., сообщаетъ Винкельману, какой-то романтическій колоритъ, потому ли, что вообще рѣшительный актъ личной воли имѣетъ для насъ что-то привлекательное, или потому, что оно предполагаетъ внутреннюю борьбу, истинныя душевныя страданія, предъ которыми невольно преклоняется всякій. Какъ бы то ни было, переменѣ вѣры была для В. единственно возможнымъ выходомъ изъ той узкой и чуждой ему сферы, въ которую бросили его обстоятельства, на то

широкое, еще вовсе невоздѣланное поприще, къ которому онъ чувствовалъ постоянное, пламенное влеченіе.

Читатель проститъ намъ, что мы такъ удалились отъ фактовъ; мы считаемъ своею задачею объяснить характеръ и личность В., и если этого объясненія не даетъ одно изложеніе фактовъ его жизни, то мы охотно обращаемся къ другому источнику.

Первый шагъ къ католической вѣрѣ сдѣланъ былъ В. еще въ 1751 г. Между многими посѣтителеми нѣтеницкой библіотеки былъ и папскій нунцій при дрезденскомъ Дворѣ Аркинто (Archinto). Онъ познакомился съ В., замѣтилъ его ученость, удивлялся его гениальному взгляду на вещи и предложилъ ему болѣе обширное поприще, именно Римъ, обѣщавъ даже мѣсто при ватиканской библіотекѣ, разумѣется, съ условіемъ принять католицизмъ. Предложеніе такъ обрадовало В., оно такъ согласно было съ задушевными его мыслями, что онъ пришелъ внѣ себя отъ радости и отвѣчалъ, что въ Италію давно устремляются всѣ его желанія, всѣ помыслы. Аркинто принималъ его къ себѣ въ Дрезденѣ. Здѣсь В. всегда встрѣчалъ около него іезуитовъ и между ними королевскаго духовника патера Рауха. Послѣдній убѣждалъ его перемѣнить вѣру, увѣряя его, что онъ будетъ вполне обезпеченъ на все время пребыванія въ Римѣ, что здѣсь онъ станетъ способнѣе служить обществу, и слѣдовательно совершеннѣе. На его обѣщанія В. полагалъ больше всего довѣрія, какъ оказалось впоследствии. Между тѣмъ Аркинто сообщилъ кардиналу Пассіонеи въ Римъ о намѣреніи В. и о его учености и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ греческую рукопись, написанную В. Кардиналъ былъ владѣльцемъ одной изъ самыхъ богатыхъ библіотекъ во всей Италіи; онъ рѣшился взять къ себѣ В. на службу, но на такихъ условіяхъ (3 дуката въ мѣсяцъ), что Аркинто долженъ былъ долгое время скрывать ихъ, и В., узнавши ихъ, пришелъ въ такое негодованіе, что хотѣлъ покончить все дѣло. Только участіе патера Рауха, который обѣщавъ на путевыя издержки 100 дукатовъ и одновременно и ежегодно по 100 гульденовъ, могло успокоить В. и поддержать въ немъ рѣшимость. — Между тѣмъ кардиналъ Пассіонеи не переставалъ писать къ нунцію о В. и говорить о немъ очень дружелюбно. Этотъ дружественный тонъ кардинала, богатство его библіотеки, которая, по мнѣнію В., содержала 300,000 книгъ, новость положенія, въ которое онъ теперь вступалъ, все это имѣло много для него привлекательнаго и окончательно склонило его къ перемѣнѣ вѣры. Еще прежде поручилъ

онъ Берендсу исподоволь и осторожно сообщить объ этомъ намѣреніи графу Бюнау. Порученіе было исполнено. Въ первое время графъ почувствовалъ сильное отвращеніе къ этому поступку, но послѣ извинилъ его. В. пишетъ: «послѣ этой снисходительности графъ становится еще выше въ моемъ мнѣніи, а милая свѣтлая графиня, кто могъ ожидать отъ нея такого разумнаго и свободнаго образа мыслей? Повидимому, уже не было болѣе препятствій къ окончательному акту, но В. былъ въ такой зависимости отъ общественнаго мнѣнія, его такъ страшили неодобрительные слухи, ходившіе о немъ по Дрездену, что дѣло продлилось еще на два года. Сначала онъ думалъ удалиться въ Потсдамъ и жить тамъ у своего любимаго ученика Лампрехта. Но у него не достало денегъ на переездъ, и бывшій любимый его ученикъ измѣнилъ ему и три раза отказалъ ему на просьбы видѣться съ нимъ въ Потсдамѣ. Причиной отказа было то, что онъ не могъ заплатить 43 талеровъ, которые В. далъ ему займы. Эта измѣна совершенно поразила В., привела его въ страшное уныніе, еще болѣе разстроила его здоровье, которое и безъ того много потерпѣло отъ тяжелыхъ трудовъ въ библіотекѣ, отъ тревогъ и безпокойствъ, неразлучныхъ съ предстоявшимъ ему важнымъ шагомъ въ жизни. В. примѣтно похудѣлъ, снова возвратилась къ нему прежняя его болѣзнь, сильная испарина ночью и слабость желудка: онъ долженъ былъ отказаться отъ пива и мяса и питаться почти однимъ молокомъ. Но наибольшее огорченіе приписывалъ онъ неожиданной переменѣ съ Лампрехтомъ, которая такъ его разстроила, что онъ рѣшился удаляться друзей и вообще всякаго человѣческаго общества. Цѣлый годъ 1753—54 не видался онъ съ нунціемъ и провелъ въ сильной душевной тревогѣ, отъ которой освобождался только чтеніемъ классиковъ и особенно Гомера: «послѣдняго прочелъ онъ три раза съ тѣмъ прилежаніемъ, котораго требуетъ такое божественное произведеніе.» Замѣтимъ при этомъ отличительную черту въ характерѣ В., которая еще болѣе роднитъ его съ классическою древностью: это именно глубокая потребность дружбы, и особенно дружбы къ молодымъ людямъ, исполненнымъ юношеской силы и надеждъ. Онъ способенъ былъ обращать въ своихъ друзей всѣхъ достойныхъ людей, которые къ нему приближались. Но въ тоже время эта дружба переходила въ болѣе нѣжное чувство; она была очень взыскательна и ревнива, требовала совершеннаго самопожертвованія и непрерывныхъ доказательствъ взаимности. Какъ высоко понималъ и цѣнилъ В. дружбу, видно изъ словъ письма его къ графу Бюнау (5 письмо въ собра-

ніи Дассдорфа; отъ 17 Сентября 1754 г.), которымъ онъ хотѣтъ извинить перемѣну вѣры. «Рано началъ я цѣнить дружбу, величайшую изъ добродѣтелей человѣческихъ, какъ величайшее счастье, къ которому можетъ стремиться человѣчество; это не та дружба, которая встрѣчается между нами, но та, которая сохранилась въ немногихъ, вѣчныхъ примѣрахъ древности. Это счастье знакомо немногимъ, потому что оно не иначе достигается, какъ исключеніемъ всякой своекорыстной и вообще посторонней цѣли; оно требуетъ такой философіи, которая бы презирала бѣдность, нужду, и даже самую смерть. Я ни во что считаю свою жизнь безъ друга, который кажется мнѣ сокровищемъ и не можетъ быть купленъ слишкомъ дорогою цѣною.» Не смотря на частыя разочарованія, которыя необходимы были при такомъ пониманіи дружбы, В. не могъ перемѣнить своей натуры, и въ послѣднее время пребыванія его въ Римѣ эта потребность еще болѣе усилилась, дружественныя отношенія его еще болѣе расширились, и желаніе повидаться съ своими друзьями было одною изъ побудительныхъ причинъ къ его отъѣзду изъ Рима. Впрочемъ такіа нѣжныя дружественныя отношенія его къ молодымъ людямъ не исключали возможной любви къ женскому полу, и прекрасная М - те Менгсъ (дѣвица Маргарита Гвацци, служившая прежде моделью Рафаэлю Менгсу, для его Мадонны) успѣла внушить ему искреннее, глубокое чувство, которое поддерживалось взаимностью и постоянною нѣжною перепискою, дозволенною ея мужемъ. Эти отношенія были совершенно чисты, потому что нравственный, честный характеръ В. не допускалъ другихъ и никогда не позволилъ бы ему обмануть своего друга Менгса, которому онъ былъ такъ многимъ обязанъ. Самъ В. пишетъ: «я никогда не былъ врагомъ женскаго пола, какъ обо мнѣ кричатъ, но мой образъ жизни держалъ меня вдали отъ него.» Самыя нѣжныя отношенія его къ М - те Менгсъ относятся особенно къ 1764 г., когда она для здоровья прибыла одна въ Римъ и была поручена Винкельману самимъ Менгсомъ, который былъ въ то время при мадридскомъ дворѣ.

Спустя цѣлый годъ, В. рѣшился еще разъ побывать у Аркинто: необыкновенно дружественный тонъ его и блестящія общанія произвели сильное впечатлѣніе на В., но это впечатлѣніе было непродолжительно и снова уступило мѣсто унынію и тревожнымъ опасеніямъ. Только ясное сознаніе безвыходности своего положенія

и необходимости перемѣнить образъ жизни побудили В. къ окончательному принятію католической вѣры. «Я не вижу предъ собою счастья, никакой другой выходъ для меня невозможенъ; если графъ умретъ, у меня не будетъ куска хлѣба, не будетъ и средствъ приличнымъ образомъ заслужить его, потому что я не владѣю ни однимъ иностраннымъ языкомъ; стать снова школьнымъ учителемъ не могу, для университета не гожусь, мое знаніе греческаго языка нигдѣ не требуется.» Наконецъ 11 Юля 1754 г., послѣ трехлѣтней борьбы, В. окончательно принялъ католическую вѣру и такимъ образомъ приготовилъ себѣ средства для дальнѣйшаго образованія: нунцій долженъ былъ скоро отправить его въ Римъ и обезпечить его существованіе. На другой день написалъ онъ къ Берендсу свои предположенія о будущей своей жизни въ Римѣ. Онъ объявляетъ рѣшительно, что не думаетъ остаться навсегда въ Римѣ и въ первое время не возьметъ на себя никакой должности. Онъ слишкомъ долго чувствовалъ свою зависимость, и желаніе воспользоваться свободою, когда она была возможна, было очень естественно. Только 17 Сентября 1754 г. рѣшился онъ писать объяснительное посланіе свое къ графу Бюнау. Это письмо менѣе всего отличается ясностью, отчетливостью изложенія. Всѣ мысли его въ страшномъ разбродѣ, сбиваются, вытѣсняются другъ друга; письмо такъ темно, запутано, сбивчиво, что вполне заслуживаетъ названіе, которое даетъ ему Гёте, названіе совершенной галиматіи. Самою неясностью изложенія, бессвязностью и непослѣдовательностью мыслей указываетъ оно на тревожное состояніе духа, отъ котораго не могъ освободиться В. и въ то время, когда все дѣло было уже невозвратно окончено. Оно показываетъ, что онъ не могъ возвыситься до того внутренняго спокойствія, которое достигается только твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. Сначала онъ указываетъ на разстройство своего здоровья отъ одинокой, однообразной жизни и тяжелой работы, и говоритъ, что должное попеченіе о здоровьи требуетъ отъ него удалиться хоть на время отъ работы и книгъ и искать разсыянной жизни и бѣльшихъ перемѣнъ душевнаго расположенія. Далѣе слѣдуетъ приведенное нами мѣсто о дружбѣ, которое поставлено тоже безъ отношенія къ предъидущему и послѣдующему, и поэтому трудно опредѣлить настоящее его значеніе и смыслъ. Кажется, онъ хотѣлъ сказать, что дружба должна быть безкорыстна, и что поэтому-то не могъ онъ полагаться на своихъ друзей, а долженъ былъ самъ искать выхода изъ труднаго своего положенія. Потомъ слѣдуетъ длинная, крайне запутанная, неправиль-

ная фраза, въ которой, очевидно, много недосказаннаго, въ которой даже не окончено начатое предложеніе. Объяснить эту фразу очень трудно; намъ кажется, что онъ хочетъ сказать слѣдующее: «Краткость нашей жизни и узкія границы нашего знанія должны были бы убѣдить меня въ томъ, что во вторую половину жизни поздно полагать основы для будущаго своего счастья, но тотъ, кто, подобно мнѣ, провелъ свою молодость въ бѣдности, то время, когда человѣкъ болѣе всего способенъ чувствовать, — въ напряженной работѣ и долгомъ одиночествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ узнать тѣ произведенія, въ которыхъ здравый смыслъ безъ современной пустой учености и настоящая мудрость впервые были открыты людямъ, такой человѣкъ достоинъ лучшей доли, онъ можетъ сознавать, что разумъ его назначенъ не къ тому, чтобъ заниматься предметами, приводящими въ движеніе только память.» Мы старались, какъ можно ближе, передать слова В. и однакожь не можемъ ручаться, чтобъ переводъ нашъ былъ вѣренъ. Но еслибъ это было такъ, то явно намѣреніе В. означить въ себѣ ту глубокую потребность жить, чувствовать, созерцать, которую мы замѣтили въ немъ прежде; явно желаніе осторожно выразить графу ту мысль, что считаетъ свое назначеніе выше того, которое дала ему на время судьба, и что работа въ библіотекѣ нисколько не удовлетворяетъ его. Въ послѣднихъ словахъ только замѣтно какое-то безотчетное раскаяніе въ поступкѣ: «Смиренно припадаю къ ногамъ Вашего Сіятельства, не осмѣливаясь явиться предъ Вами лично, однакожь надѣюсь, что Вы человѣколюбиво будете судить меня. Гдѣ человѣкъ, который всегда умно поступаетъ? Боги, говоритъ Гомеръ, даютъ смертнымъ только на одинъ день малую частицу разума. Мой поступокъ съ другой точки зрѣнія можетъ показаться безумнымъ, дерзкимъ, безбожнымъ и ужаснымъ. Но я надѣюсь на просвѣщенное сужденіе Ваше. Стыдъ и огорченіе не позволяютъ мнѣ продолжать письма. Я вѣрую въ вѣчное возмездіе: пусть оно будетъ Вашою наградою. Здѣсь (т. е. у Васъ) началъ я вновь жить настоящимъ образомъ, и если когда нибудь достигну счастья — въ нѣдрахъ дружбы окончить жизнь свою, то этимъ счастьемъ вѣчно обязанъ буду одной Вашей ко мнѣ милости.»

Мы нарочно остановились такъ долго на этомъ замѣчательномъ письмѣ, чтобъ живѣе представить то необыкновенное смятеніе, въ которое приводило В. опасеніе лишиться дружественнаго расположенія графа. Это опасеніе, которое показываетъ, какъ до-

рожилъ онъ уваженіемъ и дружбою людей достойныхъ, особенно опредѣляетъ его характеръ.

Въ Октябрѣ 1754 г. В. оставилъ службу графа Бюнау и переселился въ Дрезденъ. Здѣсь провелъ онъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ предпринялъ свой путь въ Римъ. Онъ помѣстился на квартирѣ живописца Эзера, изучалъ искусство практически и по нѣскольку часовъ въ день занимался рисованіемъ. Въ это же время познакомился онъ съ придворнымъ врачомъ Бьянкони, очень ловкимъ человѣкомъ, который изъ каждаго умѣлъ извлечь свою собственную пользу. Онъ старался удержать В. въ Дрезденѣ, предлагалъ ему различнаго рода труды (переводъ Пиндара и его схолиаста, переводъ греческаго врача Діоскорида), для того, чтобы воспользоваться его знаніемъ греческаго языка и прикрыть собственное свое незнаніе. В. отказался отъ всѣхъ его предложеній и даже отъ его знакомства, которое было для него только дорого потому, что давало возможность бывать въ большомъ и образованномъ обществѣ. Средства В. были очень незначительны. Онъ долженъ былъ ограничивать до послѣдней крайности свои издержки и даже думалъ открыть публичный курсъ о новѣйшей всеобщей исторіи. Но это намѣреніе не было исполнено, потому что общество оказалось слишкомъ невнимательнымъ. В. такъ изображаетъ положеніе тогдашнихъ ученыхъ: «Кто намѣренъ составить себѣ счастье на ученомъ поприщѣ въ Дрезденѣ, долженъ побывать непременно въ Италіи, или по крайней мѣрѣ во Франціи, для того, чтобъ умѣть болтать и имѣть нѣкоторое значеніе. Все другое ни къ чему не ведетъ; всѣ остальные, которые называются здѣсь учеными, знаютъ только заглавія книгъ и ихъ указатели.»

Съ 1754 же года начинается литературная его дѣятельность. Доселѣ, до 37-го лѣтняго своего возраста, онъ много писалъ, много выписывалъ, но единственно для самого себя, не передавая печати своихъ трудовъ.

Теперь только рѣшился онъ напечатать, и то для своихъ друзей, 50 экземпляровъ своего сочиненія: «О подражаніи греческимъ произведеніямъ въ ваяніи и живописи.» (*Ueber die Nachahmung griechischer Werke in Bildhauerei und Malerei*). Это былъ результатъ великой начитанности и внимательнаго изученія древности. «Живо возбужденный красотою формъ въ произведеніяхъ древности учить онъ, что высочайшею цѣлью искусства можетъ быть только

произведеніе идеальной, превосходящей дѣйствительность, природы вмѣстѣ съ выраженіемъ духовныхъ понятій. Но онъ не научилъ насъ, какимъ образомъ изъ понятія зараждаются формы. Такимъ образомъ, тѣ идеальныя формы не были оживлены никакимъ положительнымъ знаніемъ ихъ сущности; онѣ оставались мертвы для мертвеннаго наблюдателя. Эта новая теорія оставалась столько же почти бесплодна для художниковъ, какъ и прежняя теорія о подражаніи природѣ. Какъ прежде силились они подражать мертвеннымъ образамъ природы, такъ теперь — произведеніямъ древности. Предметъ подражанія перемѣнился, подражаніе осталось. Мѣсто природы заняли высокія произведенія древности, съ которыхъ ученики старались снять внѣшнюю форму, не понимая того духа, который ее оживляетъ. Но они также недоступны, да еще недоступнѣе чѣмъ произведенія природы, они оставляютъ тебя еще равнодушнѣе, если ты не владѣешь духовнымъ зрѣніемъ, чтобы проникнуть внѣшнюю оболочку и возчувствовать дѣйствующую въ нихъ силу. Правда, съ этого времени художники получили нѣкоторое пареніе и представленіе красоты, превышающей матеріальную, но все это были одни прекрасныя слова, которыми не соответствуетъ дѣло.... Искусство перешло къ той методѣ, которую можно назвать обратною (*rückschreitende*), потому что оно устремилось отъ формы къ самой сущности.» (Шеллингъ въ рѣчи «Объ отношеніи образовательныхъ искусствъ къ природѣ»). Таково было практическое вліяніе теоріи В., которая главнѣйшимъ образомъ высказывается въ первомъ его, названномъ нами сочиненіи: направленіе, принятое съ той поры искусствомъ, было ложное, но тѣмъ не менѣе было шагомъ впередъ въ сравненіи съ предыдущимъ. Увлеченный своимъ восторженнымъ пониманіемъ произведеній древности, В. невольно считалъ единственною цѣлью новѣйшаго искусства подражаніе древнему. «Но да будетъ далеко отъ насъ,» прибавляетъ Шеллингъ, «желаніе укорить тѣмъ духъ великаго мужа. Его ученіе, которое вполнѣ раскрыло изящное, было болѣе поводомъ, нежели причиною того дожнаго направленія въ искусствѣ.» Мы съ удовольствіемъ приведемъ окончательное мнѣніе Шеллинга о В-ѣ: оно найдетъ себѣ мѣсто въ заключеніи всего труда нашего. «Но уже и въ этомъ первомъ сочиненіи», по словамъ Гёте, «В. является на прямомъ пути; оно вѣрно опредѣляетъ цѣль искусства (?), содержитъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ положеній; и не смотря на то, по своему содержанію и формѣ, оно такъ странно, такъ

удивительно, что, не зная современных личностей, художественных толковъ и мнѣній, почти нельзя понять его.» Краткость и сила выраженій произвела сильное впечатлѣніе въ то время; при томъ же сочиненіе содержало въ себѣ много новыхъ, смѣлыхъ мыслей. Лессингъ въ своемъ «Лаокоонѣ» счелъ нужнымъ обратить на него вниманіе и оспаривать его положенія.

Огромное различіе между тѣмъ и другимъ дѣятелемъ въ области древняго искусства высказывается не только во внѣшнихъ приѣмахъ, но и въ самомъ способѣ изслѣдованія: Лессингъ отличается субъективностью, изслѣдуетъ вещи по ихъ отношенію къ самому себѣ; В. изслѣдуетъ ихъ, какъ онѣ сами по себѣ, по ихъ внутренней, существенной природѣ. Въ своемъ воззрѣніи на цѣль и значеніе искусства никакъ не могли они сойтись, и самолюбивый, раздражительный В. никогда не могъ простить Лессингу нѣкоторыхъ нападеній на свои положенія. Впослѣдствіи (въ 1765 г.) уже изъ Рима писалъ онъ свой «Опытъ аллегоріи, особенно для художниковъ», прямо направленный противъ мнѣній Лессинга. Не смотря на то, что В. особенно дорожилъ этимъ произведеніемъ и присвоивалъ ему особенное достоинство, оно построено на ложномъ основаніи: въ основѣ его лежитъ невѣрная мысль, будто каждое художественное произведеніе кромѣ понятія, которое оно должно вполнѣ выражать своею внѣшнею формою, имѣть еще аллегорическій смыслъ. Это же превратное мнѣніе выражается въ нѣкоторыхъ словахъ его исторіи искусства, такъ напр. въ слѣдующихъ, относящихся къ статуѣ Лаокоона (см. Дрезд. изд. 1839 г. т. I. стр. 412): «Мудрецъ находитъ въ ней многое для изслѣдованія, художникъ для непрерывнаго изученія, и оба могутъ быть убѣждены въ томъ, что въ этомъ изображеніи сокрыто гораздо больше, нежели что открываетъ глазъ, и что разумъ художника еще выше его творенія.» Все сочиненіе объ аллегоріи, основанное на этомъ ложномъ мнѣніи о скрытномъ смыслѣ произведеній, можетъ имѣть для нашего времени только историческое значеніе.

Прошло еще нѣсколько времени, и наступило наконецъ 20-е Сентября 1755 г., день отъѣзда В-а въ Римъ. Наконецъ мы находимъ его на пути въ тотъ завѣтный край, который съ ранней молодости привлекалъ его къ себѣ. Какъ радостно чувство полной независимости, которому предается теперь В.! Съ какимъ восторгомъ озираетъ онъ эти вѣчно-снѣжныя горы, которыя со всѣхъ сторонъ нависли надъ нимъ, когда проѣзжаетъ онъ по Тиролю! Съ какимъ

наивнымъ простодушіемъ описываетъ онъ свое живое удовольствіе при встрѣчѣ съ хорошенькими тирольскими дѣвушками, описываетъ свое удовольствіе за столомъ, на которомъ предлагаютъ ему, какъ важному господину, 12 различныхъ блюдъ. Такая роскошь была ему еще неизвѣстна. Вездѣ встрѣчаетъ онъ чистоту и опрятность. Венеція съ перваго взгляду увлекаетъ его, но потомъ удивленіе теряется: узкія улицы, слишкомъ высокіе дома производятъ на него не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Пестромъ путь лежитъ ему Адриатическимъ моремъ, Болоньей, Фаэнцой, Форли, Чезеной и т. д. На всемъ этомъ пути къ Риму его поражаетъ бѣдность, горе и неопрятность, и при томъ, чѣмъ ближе къ Риму, тѣмъ хуже. Но вотъ наконецъ достигаетъ онъ цѣли своего путешествія, цѣли всей своей жизни: здѣсь съ самаго начала ожидаютъ его нѣсколько мелкихъ непріятностей съ таможенными чиновниками, съ губернаторомъ Рима, котораго Бьянкони предупредилъ не въ пользу нашего В.; но всѣ непріятности скоро забыты, начинается послѣдняя, свѣтлая эпоха въ его жизни, которая должна вознаградить его за всѣ прежнія лишенія. Уже и прежніе труды значительно приготовили его къ пониманію древности; теперь открылось новое, самое обширное и блестящее поприще, которое ждало себя великаго дѣятеля и нашло его въ особѣ В.

«Римъ — вмѣстилище всей древности. Все, что мы перечувствовали при чтеніи древнихъ поэтовъ, при разсмотрѣніи древнихъ законодательствъ, все то, кажется намъ, не только вновь чувствуемъ мы въ Римѣ, но и созѣрцаемъ. Какъ Гомера нельзя сравнить ни съ какимъ другимъ повтомъ, такъ точно Рима ни съ какимъ другимъ городомъ, римской страны ни съ какою другою страной. Конечно, большая часть этого впечатлѣнія принадлежитъ намъ самимъ, а не предмету; но это не одна сантиментальная мысль, что я стою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ тотъ или другой великій мужъ, но могущественное влеченіе въ отдаленную, благородную и возвышенную прошедшую эпоху, влеченіе, которому не въ силахъ противостоять самая твердая воля, потому что запустѣніе, въ которомъ жители оставляютъ страну, и невѣроятная масса развалинъ невольно влекутъ взоръ въ то далекое прошедшее.... Только издали, въ сторонѣ отъ всего обыкновеннаго, только въ прошедшемъ должна являться намъ древность. Когда она вполне разоблачается передъ нами, становится также грустно, также досадно, какъ въ то время, когда откапываютъ вполонину распавшуюся развалину: при этомъ по большей мѣрѣ возможно обога-

щеніе сухой учености на счетъ живой фантазіи. Я не знаю ничего ужаснѣе двухъ вещей: появленія такого папы, который заведетъ въ Римъ полицію и запретить носить съ собою ножи, и воздѣлыванія римской кампаньи. Только когда въ Римѣ господствуетъ такая божественная анархія, вокругъ него такое величественное опустѣніе, остается довольно мѣста для тѣней, изъ которыхъ каждая дороже всего современнаго поколѣнія.» (Гёте въ статьѣ объ Винкельманѣ, которою мы очень много пользовались въ нашемъ трудѣ).

Мы съ удовольствіемъ сообщаемъ этотъ мастерской очеркъ того впечатлѣнія, которое производитъ Римъ на человѣка знакомаго съ древностью. Никто болѣе В. не былъ способенъ почувствовать силу этого впечатлѣнія, предаться ему полнѣе. Здѣсь все влекло его въ глубокую древность, въ которую уже не разъ уносилось собственное его воображеніе.

Прибавьте къ этому впечатлѣнію тѣ счастливыя отношенія, въ которыхъ находился онъ къ великимъ знатокамъ и цѣнителямъ искусства, тѣ дружественныя связи, ту непринужденную, веселую бесѣду, которой удостоивали его лучшіе люди Италіи. Въ этихъ отношеніяхъ Винкельману особенно благопріятствовало счастье и собственныя его свѣдѣнія. Только что пріѣхалъ онъ въ Римъ, о немъ распространилась слава, какъ о великомъ знатокѣ греческой литературы и древнихъ рукописей. А человѣкъ, который владѣетъ библіографическими знаніями — для всѣхъ ученыхъ желанный гость. Это преимущество В. и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый пріемъ, которымъ почтилъ его папа Бенедиктъ XIV, отверзли для него входъ въ роскошныя жилища всѣхъ кардиналовъ и ученыхъ прелатовъ, всѣхъ владѣльцевъ библіотекъ и музеевъ. Въ короткое время, кромѣ Менгса и кардинала Пассіонеи, онъ считалъ своими покровителями и собесѣдниками кардиналовъ: Albani, Archinto, ученыхъ прелатовъ: Giacomelli, Baldani, Corsini и др. Многія знатныя особы сами заискивали его знакомства, что льстило самолюбію нашего В. Съ особеннымъ удовольствіемъ вычисляетъ онъ своихъ знатныхъ знакомыхъ и говоритъ о великомъ уваженіи, которымъ пользуются въ Италіи ученые. Прежде того В-у рѣдко случалось бывать въ большомъ свѣтѣ, а когда случалось, то онъ чувствовалъ свою неловкость, но непринужденность, легкость, простодушіе, которыми отличается обращеніе высшаго римскаго общества особенно съ нисшими, вскорѣ развязало его и заставило полюбить веселую жизнь свѣтскаго человѣка. Въ письмахъ своихъ онъ съ удо-

вольствіемъ рассказываетъ объ обѣдахъ и праздникахъ, которыми почти ежедневно угощали его кардиналы, и сожалѣть о томъ, что слишкомъ вдался въ ученые свои занятія, слишкомъ много замыслилъ новыхъ трудовъ и не имѣетъ времени для легкихъ увеселеній. Римъ показался ему земнымъ раемъ, и въ послѣдствіи, думая промѣнять его на Гёттингенъ, онъ спрашиваетъ у Гейне: «Я желалъ бы узнать отъ васъ, можно ли весело жить въ какомъ-нибудь германскомъ городѣ, напр. Гёттингенъ, и какія для того нужно принять мѣры. Я не могу понять, какія удобства представляютъ къ тому германскіе университетскіе города, и важность, которую долженъ принимать на себя профессоръ. Мнѣ кажется, что при такомъ образѣ жизни человѣкъ долженъ преждевременно состарѣться. Но онъ долженъ быть еще тягостнѣе для того, кто долгое время наслаждался благосклоннымъ небомъ и прекрасною страной, гдѣ вся природа улыбается.» Такъ свыкся В. съ веселою, непринужденною жизнью итальянскихъ вельможъ и страшился даже мысли переселиться въ скучную Германію.

Среди веселаго общества итальянскихъ ученыхъ В. не переставалъ работать со всѣмъ рвеніемъ, которое еще болѣе оживлялось созерцаніемъ художественныхъ произведеній. Наконецъ, послѣ безчисленнаго множества препятствій, очутился онъ передъ сокровищами древняго искусства, удивляясь имъ, наслаждаясь ими; потомъ сравнивая, описывая, объясняя; наконецъ возводя отдѣльное къ цѣлому, какъ прежде него ни одинъ археологъ. Сначала дѣйствуетъ на него цѣлое такъ сильно, что онъ не можетъ опомниться и разобратъ свои отдѣльныя впечатлѣнія, потомъ переходитъ онъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ произведеній, и здѣсь зарождается въ немъ идея исторіи искусства. При этомъ разсмотрѣніи могъ онъ опереться на силы и знанія своихъ новыхъ друзей и, какъ смышленный ученикъ, выслушать всѣ положительныя ихъ знанія, чтобы потомъ исправить ихъ и привести въ единство. «Ничто не можетъ сравниться съ Римомъ,» пишетъ онъ къ Берендсу; «мнѣ казалось, что я все изучилъ прежде, но теперь вижу, что ровно ничего не знаю. Здѣсь я больше умалился въ собственномъ своемъ мнѣніи, чѣмъ когда открылись предо мною сокровища бібліотеки Бюнау. Люди высокаго дарованія, необыкновенныхъ талантовъ, произведенія высокой красоты, какую могли образовать только Греки, окружаютъ здѣсь меня со всѣхъ сторонъ.» Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велико и основательно было ученое приготовленіе В., какъ ни великъ запасъ знаній, почерпнутыхъ изъ древнихъ писателей

для археологическаго объясненія, по крайней мѣрѣ въ первое время онъ нуждался въ опытномъ и знающемъ руководителѣ, или иначе могъ онъ потеряться среди безчисленнаго множества памятниковъ, не только не приведенныхъ къ единству, но даже не объясненныхъ основательно. Здѣсь онъ еще болѣе убѣдился, что, не бывавъ въ Римѣ, невозможно писать о древностяхъ. Но судьба была къ нему благосклонна: она свела его съ знаменитымъ художникомъ Менгсомъ, который среди множества прекрасныхъ произведеній могъ съ перваго разу обратить его вниманіе на лучшія. «Безъ этого человѣка я очутился бы въ Римѣ, какъ въ пустынѣ. Большую часть времени я провожу у него; у него пью мой кофе, держу свои книги, занимаюсь. Это человѣкъ, который можетъ быть во всемъ мнѣ полезенъ.» Съ перваго же дня завязалась между ними искренняя дружба; которая прервана была только смертью В. Ежедневно въ воскресенье В. въ сопровожденіи Менгса и другихъ осматривалъ одну или нѣсколько галерей. Для того, чтобъ какъ можно чаще наслаждаться группою Лаокоона, статуями Аполлона, торсо и др., онъ получилъ свободный доступъ въ Бельведеръ. Замѣтимъ при этомъ особенность В. при изученіи художественныхъ произведеній древности. Онъ предался ему всею душою безъ плана заранее обдуманнаго, безъ всякой задней мысли о результатахъ, къ которымъ можетъ повести подобное изученіе, довольный тѣмъ наслажденіемъ, которое оно ему доставляло. Поэтому безчисленное множество мыслей, плановъ проходить въ его головѣ, смотря потому, подъ вліяніемъ какаго впечатлѣнія онъ находится. Онъ хочетъ сдѣлать то-другое, написать сочиненіе о томъ или другомъ предметѣ, извѣщать о своемъ намѣреніи своихъ пріятелей;—впечатлѣніе проходитъ, и В. оставляетъ свое намѣреніе. Такъ возникали всѣ его ученые труды—по поводу того или другаго отдѣльнаго впечатлѣнія, почти безъ отношенія къ цѣлой массѣ его наблюдений. Впечатлѣніе исчезаетъ, измѣняется, В. подпадаетъ другому болѣе глубокому и истинному, получаетъ другой взглядъ на вещи, измѣняетъ его, передѣлываетъ, распространяетъ. «Его дальнѣйшая и новѣйшая жизнь,» говоритъ Гёте, «всегда находитъ себѣ выраженіе въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ, и все, что онъ оставилъ, имѣетъ это значеніе живаго для живыхъ, а не для тѣхъ, которые замерли надъ буквою. Его сочиненія—полнѣйшее выраженіе всей его жизни, или, лучше, самая жизнь его, и, какъ жизнь большей части людей, они болѣе походятъ на приготовленіе, чѣмъ на окончательный трудъ. Они даютъ поводъ къ надеж-

дамъ, желаніямъ, ожиданіямъ; какъ только сказывается желаніе исправить въ нихъ что-нибудь, тотчасъ усматриваемъ, что прежде должно исправить самого себя; хочешь ли подвергнуть ихъ порицанію, тотчасъ замѣтишь, что тому же порицанію и еще въ болѣе мѣрѣ подпадаешь и самъ ты: потому что ограниченность вѣчный удѣлъ нашъ.» Такимъ образомъ только послѣднія и самыя обширныя его сочиненія могутъ считаться результатомъ всей его жизни, могутъ показать, на какой степени остановился онъ въ своемъ развитіи. Всѣ его сочиненія — это одна живая, непрерывная нить, которая связываетъ въ одно всѣ отдѣльныя его наблюденія надъ древнимъ искусствомъ. Такимъ образомъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ произведеній, которыя казались ему высшими, задумалъ онъ сочиненіе: «О вкусѣ греческихъ художниковъ»; но вскорѣ оставилъ эту мысль и обратился къ болѣе высокой.

Вращаясь въ очарованномъ кругу художественныхъ произведеній, онъ легко могъ придти къ убѣжденію, что они произошли не только отъ различныхъ художниковъ, но и въ различное время, при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ, и что всѣ отдѣльныя опредѣленія мѣста, времени и достоинства могутъ составить одно цѣлое знаніе. Послѣ того, въ немъ легко могло возникнуть желаніе свести всѣ свои знанія въ одно цѣлое и въ этомъ цѣломъ размѣстить всѣ сохранившіеся памятники по различнымъ школамъ (какія существовали напр. въ Сикіонѣ, Коринѣ, Эгинѣ, хотя для древняго искусства не такъ важно опредѣленіе школы, потому что для каждаго бога выработаны были особенный типъ, котораго держались всѣ школы), по различному стилю и времени происхожденія. Сначала придерживается онъ только высшаго, желаетъ опредѣлить «стиль ваянія во времена Фидія,» читаетъ для того путешествіе Павсанія по Греціи и его описанія художественныхъ произведеній, сравниваетъ съ этими описаніями тѣ памятники, которые были на лицо, думаетъ написать объ этомъ стилѣ сочиненіе. Но между тѣмъ какъ онъ готовится къ этому труду, знанія его еще болѣе расширяются, каждый день приносятъ ему новое богатство впечатлѣній, новое богатство мыслей: его уже не удовлетворяетъ изслѣдованіе частныхъ вопросовъ, онъ оставляетъ ихъ и чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ — на основаніи сохранившихся древнихъ произведеній и преданій древнихъ писателей представить все древнее искусство въ правильномъ, послѣдовательномъ его развитіи, въ зависимости его отъ развитія другихъ сторонъ жизни, при томъ такъ, чтобъ всѣ сохранившіеся памятники нашли въ немъ себѣ

опредѣленное мѣсто; однимъ словомъ, онъ чувствуетъ себя способнымъ создать исторію искусства. Для этого обширнаго, изумительнаго труда онъ вновь перечитываетъ всѣхъ древнихъ писателей, а въ то же время пользуется всѣми случаями, чтобъ узнать все сохранившееся отъ древняго времени.

Должно сказать, что время пребыванія В. въ Римѣ было особенно благопріятно для такого всесторонняго, широкаго изученія древняго искусства. «Грустно становится при мысли, что на существующее, уже найденное должно смотрѣть, какъ на что-то оконченное, замкнутое, неспособное къ распространенію. Оружейныя палаты, галереи и музеи, къ которымъ ничто не прибавляется, имѣютъ въ себѣ что-то гробовое, невольно напоминаютъ собою при-видѣнія. По неволѣ приходится заключить свою мысль въ такомъ тѣсномъ кругу художественныхъ произведеній, смотрѣть на такія собранія, какъ на нѣчто цѣлое, тогда какъ непрерывно-новымъ приращеніемъ должна поддерживаться мысль, что въ искусствѣ точно такъ же, какъ и въ жизни, нѣтъ ничего замкнутаго, отрѣшеннаго, неподвижнаго, а есть безконечное въ движеніи.» Безпрерывныя новыя открытія, которыя производились въ Римѣ и его окрестностяхъ и въ то же время въ Помпеи и Геркуланумѣ должны были живо напоминать ему эту мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были поддерживать въ немъ желаніе расширить кругъ своего зрѣнія, не позволяли ему заключиться въ тѣсныхъ предѣлахъ однажды пріобрѣтеннаго воззрѣнія и знанія и смотрѣть на сохранившіеся, всѣмъ доступныя памятники, какъ на нѣчто цѣлое. Напротивъ, за памятниками, которые хранились въ музеяхъ, провидѣлъ онъ цѣлое греческое искусство, которое представлялось ему еще въ болѣе совершенствѣ, и которое постарался онъ возстановить въ своемъ сознаніи. Это было время богатой жатвы, которая ожидала только дѣлателей; земля раскрыла свои неизвѣстныя еще сокровища; въ старинныхъ хранилищахъ древнихъ памятниковъ, которые выступили на свѣтъ, не было по этому застою: не могло быть неподвижности и во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ В. Онъ очень выгодно былъ поставленъ и могъ легко воспользоваться и новыми открытіями и старыми, общественными и частными, музеями.

Открытія въ Помпеи и Геркуланумѣ были еще новы и, вслѣдствіе завистливаго старанія скрыть ихъ, почти неизвѣстны. Никто еще не воспользовался ими, какъ слѣдуетъ. В. предпринялъ четыре путешествія въ Неаполь въ различное время: въ первый и че-

твёртый разъ пробылъ онъ по два мѣсяца, во второй и третій по три недѣли ¹.

Первое путешествіе совершилъ онъ въ 1758 г., въ то время, какъ онъ весь исполненъ былъ мыслей о своей исторіи искусства: не смотря на завистливое укрывательство и подозрительность къ посѣтителямъ, ему удалось все видѣть, все изучить. Онъ былъ очень доволенъ приѣмомъ, хотя за нимъ ведѣно было наблюдать, чтобъ онъ ничего не срисовалъ, потому что, по ложнымъ слухамъ, его считали больше живописцемъ, нежели ученымъ. Впослѣдствіи подозрительность и непріязнь къ нему еще больше усилились, потому что В. описалъ всѣ новооткрытые памятники и съ первой же своей поѣздки началъ свои письма къ Бьянкони, которыя содержать новѣйшія художественныя извѣстія и были назначены для чтенія саксонскаго курфюрста.—Неаполь не очень ему понравился; онъ говоритъ, что городъ очарователенъ только при первомъ взглядѣ, но потомъ оставляетъ равнодушнымъ и уже ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія: нѣтъ ни рощъ, ни садовъ съ этими длинными лавровыми, кипарисовыми и померанцовыми аллеями, которыя такъ тѣшили его въ Римѣ. За то Портичи, расположенный на роскошномъ морскомъ берегу, произвелъ на него самое сладостное впечатлѣніе.

Только-что возвратился онъ въ Римъ (13-го Мая 1758 г., въ день смерти папы Бенедикта XIV), его ожидало уже другое художественное наслажденіе, которое также важно было для задуманнаго имъ сочиненія, — это именно ближайшее знакомство съ собрaniemъ рѣзныхъ камней, рельефовъ, монетъ барона Штоша. Этотъ небольшой, но въ высшей степени драгоценный, художественный міръ до сихъ поръ оставался ему неизвѣстенъ, хотя онъ и былъ въ перепискѣ съ барономъ Штошомъ. Умирая (въ 1757 г.), старый баронъ просилъ своего наслѣдника Муцель-Штоша поручить составленіе подробнаго каталога В-у. Послѣдній съ радостью принялъ предложеніе и отправился во Флоренцію, надѣясь найти тамъ богатую для себя пищу. Ожиданія его не были обмануты: работа, за которую онъ теперь взялся, была такъ огромна, такъ для него занимательна, что, по собственнымъ его словамъ, онъ въ жизнь

¹ Второе путешествіе совершилъ онъ въ 1763 г. въ сопровожденіи графа фонъ-Брюля, сына всемогущаго саксонскаго министра; третіе путешествіе въ Февр. 1764 г. и послѣднее въ Февр. 1767 г. съ другимъ своимъ барономъ Риделемъ, при чемъ они были свидѣтелями изверженія Везувія въ то самое время, какъ поднимались на его вершину.

свою не работалъ такъ много. Страшное напряженіе разстроило его нервы и желудокъ. Не смотря на тяжелую работу, онъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ во Флоренціи. — «Флоренція, прекрасный городъ изъ всѣхъ, которые случилось мнѣ видѣть, и далеко превосходитъ Неаполь. Только теперь прежнія мои лишенія начинаютъ вознаграждаться; подобныхъ наслажденій я въ правѣ просить отъ милосердаго Бога. Молодость моя прошла слишкомъ печально, а школьной моей службы никогда не забуду.» Девять мѣсяцевъ оставался В. во Флоренціи, пользуясь роскошнымъ содержаніемъ Штоша; но и въ это продолжительное время каталогъ всѣхъ рѣдкостей, бывшихъ у него подъ рукою, не могъ быть оконченъ. Уже по возвращеніи въ Римъ, В. снова пересмотрѣлъ его, передѣлалъ и, по желанію Штоша, но противъ своего собственнаго, издалъ его на французскомъ языкѣ. Этотъ каталогъ обратилъ вниманіе Фридриха II прусскаго на это рѣдкое собраніе, которое послѣ и вошло въ составъ берлинскаго музея.

Во время пребыванія В. во Флоренціи, скончался въ Римѣ одинъ изъ главнѣйшихъ его покровителей, кардиналъ Аркинто, который давалъ ему помѣщеніе въ своемъ дворцѣ. Его замѣнилъ кардиналъ Александръ Альбани, который еще больше любилъ В. и имъ былъ любимъ. Кардиналъ предложилъ ему четыре лучшихъ комнаты въ своемъ дворцѣ, полное содержаніе и 60 scudi въ мѣсяцъ. Единственною обязанностью В. было занимать его своимъ разговоромъ. Для художественнаго его образованія очень важны были эти дружественныя отношенія къ кардиналу Альбани. Альбани былъ страстнымъ любителемъ и знатокомъ древняго искусства, имѣлъ всѣ средства удовлетворить своей благородной склонности и отличался необыкновеннымъ счастіемъ въ собираніи древнихъ произведеній. Вскорѣ собраніе его могло сравниться съ богатѣйшими и великолѣпнѣйшими музеями частныхъ лицъ въ Римѣ и безспорно превосходило ихъ устройствомъ и размѣщеніемъ. Последнее сдѣлано было совершенно въ древнемъ вкусѣ: не только обширныя зданія для того воздвигнуты, но и дворъ и садъ наполнены были художественными произведеніями. — Среди этихъ сокровищъ почти 9 лѣтъ обращался нашъ В., какъ полный ихъ хозяинъ. Но не только одинъ Альбани, вмѣстѣ съ нимъ и всѣ другіе кардиналы, владѣльцы библиотекъ и музеевъ, готовы были помогать художественному образованію В. и обращались съ нимъ такъ милостиво и дружелюбно, какъ съ лучшимъ своимъ пріятелемъ; ихъ единили лучшія связи, какія только могутъ существовать между людьми: одинаковая лю-

бовъ къ искусству и наукѣ. Какъ непринужденно обходились съ нимъ высокія духовныя особы, видно изъ словъ одного письма его къ Удену (10 Окт. 1758 г.). «Кардиналь Альбани обнимаетъ меня всякій разъ, какъ только увидить, и я не сомнѣваюсь, что это происходитъ отъ истинной его привязанности ко мнѣ. Съ кардиналомъ Пассионеи я шучу за столомъ, дѣлаю всѣ возможныя выходки, и онъ такъ добръ, что самъ привозитъ меня домой. Съ нимъ вмѣстѣ отправляюсь я нерѣдко въ увеселительный дворецъ его недалеко отъ Фраскати, обѣдаю въ туфляхъ, колпакѣ и даже одной рубашкѣ, по настоятельной его просьбѣ.» Одно было нѣсколько тягостно для В. и отнимало у него много времени, это желаніе Альбани безпрестанно съ нимъ разговаривать. Что касается до увеселеній и удовольствій, которыя до того усиливались лѣтнею порою, когда кардиналь переселялся въ свою виллу, что танцы нерѣдко оканчивались только утромъ, то В., который вообще не прочь былъ повеселиться, по возможности ихъ удалялся, желая сберечь свои силы и время для предпринятыхъ имъ трудовъ; повтому лѣтомъ ежедневно вечеромъ возвращался онъ въ Римъ и здѣсь проводилъ свои ночи. Вообще же онъ пользовался совершенною независимостью, довольствомъ и могъ употреблять свое время по своему произволу.

Такъ очевидно счастье благоприятствовало В. въ его изученіи древняго искусства, и какъ прежде судьба отводила его отъ той цѣли, къ которой былъ онъ призванъ, такъ теперь все было направлено къ тому, чтобъ оживить и распространить его дѣятельность и обогатить его познаніями. Безпрерывно распространяя свое знакомство съ древними произведеніями, В. могъ наконецъ обнять своею мыслію всю область древняго искусства. Оно представлялось ему уже не въ тѣхъ отрывочныхъ явленіяхъ, въ которыхъ сохранилось до нашего времени, но въ своемъ цѣломъ развитіи, въ своемъ единствѣ: его мысль успѣла найти необходимую связь между этими явленіями, составить изъ нихъ одно цѣлое. Мысль, что искусство въ своемъ постепенномъ послѣдовательномъ развитіи, не есть дѣло человѣческаго произвола, но подлежитъ законамъ высшей необходимости, легла въ основу его исторіи искусства, о которой только чаяли древніе (напр. Веллей Патеркуль, Квинтилианъ), но которую въ наше время могло создать только гениальное творчество. Имъ безъ сомнѣнія запечатлѣны всѣ произведенія В.; оно могло ему найтись въ лабиринтѣ древнихъ памятниковъ и разсматривать ихъ, какъ необходимыя явленія въ развитіи искусства. Обширное и основательное изученіе греческой литературы и ху-

дожества сообщило матеріалъ для этого великаго зданія , которое заслужило автору чина творца археологіи. Надъ нимъ трудился В. съ самаго почти пріѣзда своего въ Римъ (съ 1756 г.), но только въ началѣ 1764 г. могло оно быть издано. Тотчасъ по выходѣ своемъ въ свѣтъ произвело оно сильное впечатлѣніе и было переведено на французскій языкъ. Этимъ переводомъ , который изданъ былъ въ Парижѣ , В. былъ крайне недоволенъ. Въ предисловіи къ своимъ замѣчаніямъ , которыя должны были пополнить недостатки въ исторіи искусства, онъ говоритъ, что не можетъ безъ отвращенія подумать объ этомъ переводѣ; въ переводчикѣ на каждомъ шагѣ замѣтно не только невѣжество въ искусствѣ , но и незнаніе нѣмецкаго языка. Впослѣдствіи онъ желалъ совершить переводъ съ помощью французскаго ученаго въ Берлинѣ , Tussaint , и въ послѣднемъ путешествіи въ Германію, которое окончилось такою страшною катастрофою , онъ между прочимъ имѣлъ въ виду познакомиться съ ученымъ, которому хотѣлъ поручить переводъ.

Неутомимо работая надъ исторіею древняго искусства, В. между тѣмъ собралъ обильный матеріалъ еще для другаго столько же обширнаго сочиненія и съ 1762 г. не переставалъ его обдумывать. Оно должно было содержать въ себѣ объясненіе самыхъ трудныхъ пунктовъ въ міеологіи и древностяхъ и издано было въ 1766 г. съ пояснительными гравюрами подъ именемъ: *Monumenti antichi inediti*, на собственный его счетъ. Къ этому сочиненію прибавилъ онъ *Trattato preliminare*, — краткое изложеніе всего того, что содержится въ его исторіи искусства, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя были неизбежны при дальнѣйшемъ, непрерывномъ развитіи автора. Сочиненіе написано на итальянскомъ языкѣ съ цѣлью воздать должную благодарность своимъ покровителямъ и той странѣ, которая довершила художественное его образованіе.

Римское правительство давно уже замѣтило высокія его дарованія, давно уже обратило милостивое на него вниманіе и почтило лестнымъ своимъ довѣріемъ, поручивъ ему главный надзоръ за древностями въ Римѣ и его окрестностяхъ. Еще въ 1763 г. тотчасъ по смерти Аббата Венути В. занялъ почетное и довольно значительное мѣсто *del Antiquario della Camera Apostolica*, которое при пособіяхъ отъ кардиналовъ Альбани и Реццониго совершенно обезпечивало его существованіе. Выстъ съ тѣмъ поручено было ему въ званіи *Scrittore* (профессора) занятіе въ Ватиканѣ , отъ котораго онъ впоследствии отказался по причинѣ далекаго разстоянія своего жилища. Выборъ въ антикваріи льстилъ его самолюбію: въ первыхъ

своихъ письмахъ послѣ того онъ подписывается не иначе, какъ *Président des antiquités de Rome* и съ наивною, полудѣтскою радостью прибапляеть: «не правда-ли, какой громкій, великолѣпный титулъ?» Тѣмъ охотнѣе, тѣмъ съ большею благодарностью долженъ былъ онъ посвятить Италіи послѣднее свое обширное сочиненіе (*Monumenti antichi inediti*).

Но слава его распространилась далеко за предѣлы Италіи, и въ первоначальной его родинѣ Германіи и въ другихъ странахъ нашла себѣ громкій отголосокъ. Ни одинъ изъ путешественниковъ сколько нибудь замѣчательныхъ или ученостью или высокимъ общественнымъ положеніемъ не бывалъ въ Римѣ, не обращаясь къ В. съ покорною просьбою о руководствѣ при обзорѣннѣ памятниковъ искусства. Многіе изъ этихъ путешественниковъ искали въ Римѣ точно такихъ же развлеченій, какъ во всякомъ другомъ городѣ, не имѣли ни художественнаго смысла, ни встетическаго образованія и были крайне-тягостны В-у, котораго раздражало всякое невѣжество въ искусствѣ. Не разъ рѣшался онъ навсегда отказаться отъ знакомства съ такими путешественниками; не разъ въ самомъ дѣлѣ покидалъ онъ ихъ на произволъ судьбы, раздраженный вопросами подобными слѣдующему: что такое представляетъ Пампада? Но чаще всего, увлекаемый своею любовью къ искусству и желаніемъ распространять настоящее его пониманіе, посвящалъ онъ много времени путешественникамъ, и самъ жалуется въ письмахъ, что не можетъ еще совершенно отказаться отъ роли учителя. Попадались ему и люди съ высокими дарованіями, которые съ перваго раза привлекали къ себѣ его дружбу; съ которыми послѣ уже трудно было ему разставаться. Таковы были напр. Лифляндецъ фонъ-Бергъ, которому посвятилъ онъ свое сочиненіе: «О художественной способности» (*Von den Fähigkeiten des Schönen*), молодой баронъ Ф. Дальбергъ, котораго въ 1810 г. Наполеонъ сдѣлалъ герцогомъ Франкфуртскимъ. Высокіе сановники, даже государи Германіи не пренебрегали его наставленіемъ: принцъ мекленбургскій цѣлый годъ былъ его ученикомъ; наслѣдственный князь брауншвейгскій также пользовался его познаніями. Но больше всѣхъ другихъ дорожилъ В-омъ молодой герцогъ дессаускій, который однажды вечеромъ пѣшкомъ безъ всякой свиты, какъ странникъ, пришелъ къ В., говорилъ ему, что единственная цѣль его путешествія достойно познаться съ Римомъ и просилъ его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. В. не находилъ словъ, чтобъ отдать должную справедливость великодушію, снисходительности, отличнымъ свойствамъ этого государя.

«Бѣднѣйшему живописцу, который приходитъ въ Римъ, можетъ онъ служить примѣромъ, какъ пользоваться каждою минутою въ такомъ чудномъ городѣ.» Если другіе путешественники тяготили В., какъ «похитители его времени и нарушители спокойствія», то люди съ дарованіемъ находили въ немъ усерднаго, услужливаго вожатая.

Многія ученныя общества, академіи въ Италіи и Германіи присылали ему дипломы, избирали его въ свои члены, и В. былъ особенно чувствителенъ къ такому лестному выраженію ихъ уваженія.

Мы уже говорили, что онъ особенно дорожилъ всеобщимъ уваженіемъ и готовъ былъ требовать его, какъ своего неотъемлемаго права. Онъ заботился о томъ, чтобъ ученныя его достоинства, его заслуги всѣми были признаваемы. Въ этомъ отношеніи честолюбіе его было очень раздражительно. Мы приведемъ на то нѣсколько доказательствъ.

Послѣ изданія въ свѣтъ исторіи искусства всеобщее участіе въ Германіи къ В. возрасло до такой степени, что очень многіе желали узнать прежнія обстоятельства его жизни. На это всеобщее участіе отвѣчалъ прежній товарищъ В. въ зеггаузенской школѣ, Палальцовъ, короткою его біографіею, — жалкимъ произведеніемъ, въ которомъ знаменитый археологъ представленъ былъ въ ложномъ и невыгодномъ свѣтѣ. Эта біографія страшно встревожила и раздражила В. По этому поводу, писалъ онъ къ Вейссе отъ 15-го Мая 1764 г.: «Я думалъ, что заслуги мои передъ всею Германіей никому не позволятъ представлять меня въ смѣшномъ видѣ; но теперь я вижу, что моя откровенность со многими нѣмецкими путешественниками могла подать къ тому поводъ; я никогда не старался разыгрывать роли мудреца и нерѣдко самъ смѣялся надъ многими бывшими со мною случаями. Не смотря на то, въ моей жизни нѣтъ ничего смѣшнаго. Это укрѣпляетъ во мнѣ намѣреніе навсегда прервать связи съ Нѣмцами, пріѣзжающими въ Римъ, и я прошу своихъ друзей никого больше не рекомендовать мнѣ.» Такъ иногда раздражительно было его самолюбіе. Нерѣдко сознаніе собственнаго своего достоинства заставляло его ставить себя выше другихъ, заставляло говорить о самомъ себѣ и, по примѣру Цицерона, указывать другимъ на свое значеніе и заслуги. Такъ въ письмѣ своемъ къ дрезденскому издателю своихъ сочиненій, Вальтеру, онъ говоритъ по поводу своего сочиненія «О художественныхъ способностяхъ», что вознагражденіе по одному дукату за листъ слишкомъ ничтожно, особенно за такое сочиненіе, которое все составлено изъ собственныхъ мыслей. Большія сочиненія, какъ напр. философа

Вольфа, можно составить безъ большого труда, но такое произведение, которое не содержитъ въ себѣ ничего заимствованнаго, ничего выписаннаго, но все подверглось строгому размышленію, требуетъ много времени и труда. Я справедливо могу требовать и безъ вашего ущерба по 2 дуката за листъ: *потому что я вполне увѣренъ въ его успѣхъ, какъ человекъ, написавшій оригинальное произведение, каковыхъ очень немного.* (4-го Юля 1763 г.).

Вообще В. не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые не понятны для обыкновенныхъ людей, имѣютъ съ ними мало общаго и, довольные богатствомъ внутренняго своего міра, не заботятся о внѣшнемъ своемъ положеніи, чуждаются дѣйствительной жизни, забываютъ самихъ себя. В. совершенно напротивъ: по преимуществу преданный интересамъ науки, онъ былъ однакожъ чрезвычайно внимателенъ къ самому себѣ и, какъ человекъ античный, непрерывно занятъ собою, своими замыслами, намѣреніями, потребностями, всѣмъ существомъ своимъ. Поэтому въ письмахъ къ друзьямъ, въ участіи которыхъ онъ былъ увѣренъ, онъ не забываетъ ни одного изъ свойствъ своихъ, ни одной потребности, отъ высшихъ нравственныхъ до самыхъ обыкновенныхъ физическихъ, и самъ не разъ высказываетъ, что охотнѣе разговариваетъ о личныхъ своихъ мелочахъ, нежели о самыхъ важныхъ, но отдаленныхъ предметахъ. При этомъ вниманіи къ самому себѣ онъ остается для себя существомъ загадочнымъ, и особенно непонятна ему та перемѣна, которая произошла съ нимъ со времени переселенія въ Римъ. Даже въ то самое время, когда судьба его повидимому была совершенно устроена, довѣріе и уваженіе итальянскихъ ученыхъ и кардиналовъ несомнѣнно выразились въ порученіи надзора надъ древностями въ Римѣ, когда великіе его труды давали ему право на всеобщее уваженіе, когда дни его ясно протекали среди трудовъ, посвященныхъ лучшему искусству, украшались и разнообразились дружбою столькихъ достойныхъ и значительныхъ людей, и въ эту счастливую эпоху своей жизни В. не перестаетъ размышлять о своемъ положеніи и о возможныхъ въ немъ улучшенияхъ; этому размышленію отдаетъ онъ ежедневно полчаса и болѣе, не смотря на то, что всякая минута была для него драгоценна, выслушиваетъ различныя предложенія и приглашенія со стороны германскихъ государей (напр. курфюрста саксонскаго, короля прусскаго), которые призывали его къ своему двору. Онъ не перестаетъ заботиться о заготовленіи вѣрныхъ средствъ на время своей

старости и эта заботливость была одною изъ причинъ, побудившихъ его къ путешествію въ Германію. Не смотря на свое благополучіе, которое онъ и самъ признавалъ, мы замѣчаемъ въ немъ все какое-то недовольство своимъ положеніемъ, какое-то безпокойство, которое, вѣроятно, вынесъ онъ изъ горестной эпохи своей жизни, и которое вполне съ нимъ сроднилось. Та страшная неизвѣстность, та зависимость отъ чужой милости, въ которой прошло его дѣтство, молодость и большая часть жизни, приучили его недовѣрять настоящему своему положенію, искать изъ него выхода, обращать свои взоры во всѣ стороны, не будетъ ли откуда нибудь помощи.

Была еще другая причина, которая возбуждала и поддерживала въ немъ тревожное, нерѣшительное состояніе его духа. «Кто живетъ въ Римѣ, тотъ невольно подпадаетъ влеченію посѣтить другія страны. Онъ видитъ себя въ самомъ сердцѣ древняго міра и чувствуетъ близость всѣхъ странъ, замѣчательныхъ для археолога. Это желаніе обозрѣть тѣ замѣчательныя въ древности страны, которое приходило В-у въ раннюю пору его молодости, еще болѣе усиливалось непрерывно-представляющимися къ этому удобствами и случаями: очень многіе изъ путешественниковъ, намѣреваясь совершить переездъ въ Грецію, убѣдительно просили В-а, какъ великаго знатока древностей, сопутствовать имъ, — такъ напр. другъ его баронъ Ридзель. В. долго колебался: въ немъ сильно разгоралось желаніе побывать въ этомъ центрѣ древняго искусства; но противоположное влеченіе на сѣверъ, въ Германію, одержало верхъ.

Послѣдняя причина, которая усиливала въ немъ безпокойство и недовольство своимъ положеніемъ, дѣлаетъ честь его благородному, нѣжному сердцу. Это именно отсутствіе лучшихъ его друзей и его непреодолимое желаніе свидѣться съ ними, обнять ихъ, сообщить имъ живымъ голосомъ все то, что непрерывно сообщалъ онъ имъ въ письмахъ. Около этого желанія сосредоточились всѣ помыслы В., который во всемъ другомъ жилъ настоящимъ временемъ. Разлука съ друзьями, которыхъ привыкъ онъ цѣнить выше всякаго сокровища, была самою тяжелою для него жертвою во все время пребыванія его въ Римѣ; никогда онъ не забывалъ о нихъ, не переставалъ о нихъ безпокоиться, не переставалъ тяжело чувствовать ихъ отсутствіе. Наконецъ, желаніе соединиться съ ними, хотя на время, преодолѣло всѣ другія желанія и увлекло его на сѣверъ, въ Германію.

Впрочемъ не одна неизмѣнная дружба влекла его на родину, но, какъ мы сказали выше, и ожиданіе, что здѣсь найдетъ онъ

лучшее успокоеніе для своей старости, что здѣсь пожнеть плоды своихъ трудовъ. Отправляясь въ Германію, В. не отказывался и отъ надежды побывать въ Греціи; напротивъ, онъ составилъ замѣчательный и обширный проектъ для исполненія своего намѣренія. Въ Германіи онъ надѣялся составить на акціяхъ общество любителей древностей, которое взяло бы на себя издержки путешествія и откапыванія древнихъ памятниковъ въ Элидѣ, на что нужно было еще испросить дозволеніе турецкаго правительства. Все, что было бы открыто такимъ образомъ, предполагалъ онъ раздѣлить между участниками, сообразно съ ихъ содѣйствіемъ общему дѣлу. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный планъ не былъ исполненъ такимъ достойнымъ цѣнителемъ древняго искусства, и только въ послѣдствіи былъ отчасти совершенъ лордомъ Эльджиномъ, обществомъ дилетантовъ и нѣкоторыми другими.

Таковы были побудительныя причины, которыя заставили В. оставить страну, которой онъ былъ обязанъ лучшимъ своимъ состояніемъ, въ которой протекли самые счастливые дни его жизни, оставить драгоценныя памятники древняго искусства, изученіе которыхъ дало высокую цѣну и достоинство его жизни, оставить высокаго своего покровителя и друга кардинала Альбани, для котораго бѣсѣда съ В. была лучшимъ утѣшеніемъ.

16-го Апрѣля 1768 г., въ сопровожденіи знаменитаго ваятеля Кавачеппи, В. началъ свой путь въ Германію. Путь лежалъ имъ чрезъ Лоретту, Болонью, Венецію, Верону, гдѣ они разсматривали художественныя произведенія, и потомъ чрезъ тѣ страны, которыя съ такимъ живѣйшимъ чувствомъ радости и восторга проезжали въ первый разъ В. Но на этотъ разъ Тироль не произвелъ на него благопріятнаго впечатлѣнія: какое-то мрачное, непреодолимое уныніе, какая-то безотчетная тоска сдавили его сердце. «Посмотрите, какая ужасная страна, какія огромныя снѣжныя горы взгромоздились надъ нами,» говорилъ онъ своему спутнику, съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ указывая на тирольскія горы. Самые обыкновенные предметы приводили его въ какое-то болѣзненно-раздражительное состояніе, производили въ немъ досаду и отвращеніе. Такъ, увидавши высокія и крутыя кровли нѣмецкихъ домовъ, онъ не могъ удержать своего негодованія, и съ досадою повторялъ Кавачеппи: «какая отвратительная, безсмысленная архитектура!» Кавачеппи привялъ это сначала за шутку, но, замѣтивъ тревожное, мрачное выраженіе лица у своего спутника, старался его успокоить, говоря, что даже ему, природному Итальянцу, не внушаетъ отвращенія гер-

манская архитектура, объяснилъ ее мѣстной потребностью защищать кровли отъ снѣга. Но ничто не могло успокоить В., постоянно сожалѣлъ онъ о покинутой имъ странѣ, уговаривалъ своего сотоварища возвратиться назадъ въ Римъ, и только настоятельные, усиленные просьбы Кавачеппи заставили его продолжать путь. Въ Мюнхенѣ В. былъ принятъ очень радушно и съ большою почестью; ему сдѣланъ былъ подарокъ прекраснаго рѣзнаго камня (intaglio). Но ничто не могло его избавить отъ того унынія, въ которое онъ впалъ, покидая Италію. Изъ Регенсбурга онъ уже рѣшительно пишетъ къ кардиналу Альбани и своему пріятелю Могалли о намѣреніи вскорѣ возвратиться назадъ и просить приготовить квартиру и все нужное. Кавачеппи прочелъ оба письма и сталъ дружески укорять В. въ его непостоянствѣ, говорилъ, что только изъ любви къ нему онъ предпринялъ такое дальнее путешествіе и теперь долженъ одинъ продолжать путь въ странѣ, совершенно незнакомой. В. сознавался, что онъ не правъ, что ему жаль и стыдно покинуть своего товарища, но что непреодолимое влеченіе зоветъ его обратно въ Римъ. Кавачеппи могъ только уговорить его къ тому, чтобъ продолжать путь до Вѣны. 12-го Мая прибыли они въ Вѣну: В. въ совершенномъ уныніи и глубокой тоскѣ, отъ которой ничто не могло развлечь его, ни милостивый пріемъ императрицы Маріи Терезіи, ни вниманіе и участіе перваго министра князя Кауница. Здѣсь-то были подарены В.-у тѣ золотыя и серебряныя медали, которыя играютъ такую важную роль въ послѣдней, несчастной судьбѣ его. Когда князь Кауницъ сталъ упрашивать его продолжать свое путешествіе по Германіи, представлялъ ему недовкость поступка, если онъ оставитъ Кавачеппи одного въ странѣ незнакомой ему, ни нравами, ни языкомъ, В. поблѣднѣлъ, какъ помотно, затрепеталъ и казался какъ будто пораженный громомъ. На всѣ представленія Кауница могъ онъ отвѣчать только, что самъ знаетъ, какъ нехорошо поступаетъ, но не въ силахъ дѣйствовать иначе. Вслѣдствіе страшной внутренней тревоги В. заболѣлъ жестокою лихорадкой и только 28-го Мая могъ выѣхать изъ Вѣны.

Что было причиною такого страшнаго душевнаго разстройства? В. принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые легко и скоро свыкаются и сродняются съ тою страной, съ тѣми людьми, съ которыми живутъ нѣкоторое время. Не смотря на то, что онъ по собственной своей волѣ оставилъ Италію, мысль его и сердце продолжали жить въ той же самой странѣ, не переставали обращать всѣ его стремленія назадъ въ

Римъ. Эта мысль представлялась ему въ видѣ тяжелаго укора, что онъ неблагодарно покинулъ страну, которой почти всѣмъ былъ обязанъ, покинулъ своего друга и покровителя Альбани, для котораго былъ почти единственною отрадою. Съ другой стороны, въ немъ оживились печальные образы прежнихъ горестныхъ дней, проведенныхъ въ Германіи; можетъ быть также, тяготился онъ необходимостію вступать въ новыя знакомства, какъ ни льстили они его самолюбію; можетъ быть, ко всему этому присоединялось и темное предчувствіе злой судьбы, которая его ожидала. Какъ бы то ни было, своею мыслію жилъ онъ въ Италіи и жестоко раскаявался въ предпринятомъ путешествіи. Отсюда такое оцѣненіе, такая невыразимая, безотчетная тоска, такое непреодолимое влеченіе возвратиться въ Римъ. На возвратномъ пути изъ Вѣны въ Италію, 1-го Іюня предъ обѣдомъ прибылъ В. въ Тріѣсть и помѣстился на площади Св. Петра, въ гостинницѣ, которая окнами выходила на гавань Мандракіо. Въ небольшой сосѣдней комнатѣ два дня уже жилъ какой-то странникъ, который безъ чемодана и, вѣроятно, безъ денегъ, пѣшкомъ пришелъ изъ Венеціи. Этотъ странникъ былъ Францъ Арканджели. Вскорѣ они познакомились между собою за обѣдомъ, въ которомъ судьба сдѣлала ихъ сосѣдями. В. сталъ спрашивать хозяина, нѣтъ ли въ гавани корабля, который собирается въ путь въ Венецію; Арканджели, вмѣшавшись въ разговоръ, сказалъ, что знакомый его корабельщикъ скорѣй отправляется въ Венецію, и предложилъ свои услуги. Оказалось, что этотъ корабль долженъ былъ еще нагружаться и ожидать пассажировъ. В. сталъ договариваться съ другимъ хозяиномъ корабля, и въ присутствіи Арканджели обѣщаль ему 2 дуката, если онъ выйдетъ изъ порта по крайней мѣрѣ въ воскресенье. Простодушный, добрый В. охотно сблизился съ незнакомцемъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній очень желалъ этого сближенія и непрерывно оказывалъ ему различныя небольшія услуги. Это сближеніе образованнаго ученаго В. съ невѣжественнымъ Арканджели тѣмъ понятнѣе, что В., желая остаться неизвѣстнымъ, чтобъ избѣжать церемонныхъ посѣщеній и знакомствъ, которые могли бы задержать его надолго въ Тріѣсть, едва ли могъ найти другаго собесѣдника. Они ежедневно видались, обѣдали, пили кофе вмѣстѣ, вели между тѣмъ нерѣдко забавную бесѣду. Однажды, во время прогулки, Арканджели спросилъ у В. его имя, которое прежде ему было неизвѣстно, и которое по итальянскому обычаю замѣнялъ онъ личнымъ именемъ: Giovanni. Онъ сказалъ, что спрашиваетъ его фамилію не изъ одного любопыт-

ства, но еще и потому, что содержатель гостинницы желаетъ знать ее. В. отвѣчалъ на это съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, что онъ не дурной и не подозрительный человѣкъ и дома постарается ему представить на то доказательства. Въ самомъ дѣлѣ, когда пришли они домой, П. показалъ ему не только свой паспортъ, но и тѣ золотыя и серебряныя медали, которыя получилъ онъ въ Вѣнѣ отъ императрицы и перваго ея министра. Арканджели спросилъ о цѣнѣ и узналъ, что одна золотая медаль стоила 10, а другая 17 дукатовъ, а двѣ серебряныя, каждая—по 30 паоли. Кажется, въ это время созрѣла въ низкой душѣ его мысль завладѣть этимъ малымъ сокровищемъ, и этой низкой, ничтожной корысти рѣшился онъ принести въ жертву такую драгоцѣнную жизнь, какова была жизнь В.-а. Это было 5 Іюня, назначенный день для отъѣзда. Къ несчастію нагрузка корабля не была окончена и срокъ былъ отложенъ до 7 числа. Но и въ этотъ день ничто не было готово; В. рѣшился было уѣхать сухимъ путемъ, но къ несчастію отказался отъ своего намѣренія.

Между тѣмъ наступило 8 Іюня. Арканджели съ самаго утра оставилъ гостинницу, чтобъ запастись длиннымъ ножомъ и арканомъ, для исполненія своего гнуснаго замысла. В. не встрѣтилъ его въ кофейной, гдѣ они обыкновенно пили кофе вмѣстѣ, возвратился къ себѣ домой, снялъ верхнее платье и галстукъ, и сѣлъ за письменный столъ. Вскорѣ вошелъ и Арканджели; В., по своему обыкновенію, дружески встрѣтилъ его, сталъ ходить съ нимъ по комнатѣ, рассказывая о дворцѣ Альбани и его сокровищахъ, обѣщалъ показать ихъ Арканджели, если случится быть ему въ Римѣ. Бесѣда продолжалась до 10 часовъ утра; въ это время Арканджели пошелъ къ себѣ въ комнату, но скорѣ возвратился подъ тѣмъ предлогомъ, что оставилъ свой платокъ. При этомъ онъ спросилъ будто случайно, намѣренъ ли В. показывать свои медали за столомъ въ гостинницѣ. В. отвѣчалъ, что не хочетъ хвастаться ими. Тогда Арканджели присталъ къ нему, зачѣмъ скрываетъ онъ свое имя. Это такъ наскучило В., что вмѣсто отвѣта онъ повернулся къ нему спиною, сѣлъ за письменный столъ и началъ писать. Только что успѣлъ онъ выговорить, что не хочетъ быть узаннымъ, какъ Арканджели накинулъ ему на шею арканъ и крѣпко стянулъ его. В. вскочилъ и сильно оттолкнулъ убійцу. Арканджели выхватилъ свой ножъ и замахнулся имъ. Нѣсколько времени продолжалась еще борьба; но В. упалъ, поскользнувшись; убійца бросился на него и вполонину удушенному В. нанесъ 5 жестокихъ ударовъ.

На крикъ и стоны прибѣжалъ трактирный слуга и увидалъ убійцу, который еще давилъ колѣнами несчастную свою жертву. Увидавъ слугу, онъ вскочилъ на ноги, оттолкнулъ его и безъ шляпы и сертука выбѣжалъ изъ гостиницы. Слуга хотѣлъ поднять В.; но послѣдній имѣлъ еще силу встать самъ собою, открылъ рубашку и сказалъ, показывая на глубокія раны, изъ которыхъ ручьемъ лилась кровь: «Смотри, смотри, что сдѣлалъ онъ со мной.» Въ замѣшательствѣ слуга бросился за врачомъ, просилъ В. остаться въ своей комнатѣ, но несчастный въ глубокомъ страхѣ послѣдовалъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ, встрѣтилъ служанку, знаками просилъ освободить шею отъ затянутаго аркана, но она со страху бросилась бѣжать, и полуживой В. одинъ предоставленъ былъ злой судьбѣ своей. Наконецъ нашелся челоѣкъ, который развязалъ петлю. В. перенесенъ былъ въ свою комнату; вскорѣ прибылъ врачъ, и на вопросъ несчастнаго объявилъ, что двѣ раны смертельны. Потомъ явилась полиція съ своими распросами, на которые В. долго не могъ отвѣчать ни слова и наконецъ означилъ своего убійцу. Не смотря на страшное истощеніе силъ, онъ успѣлъ еще пріобщиться Св. Таинъ и собороваться, попробовалъ было писать, но не могъ, и съ трудомъ передалъ присутствующимъ послѣднюю свою волю, которая и была записана въ видѣ формальнаго духовнаго завѣщанія¹. «Съ геройскою силою духа и истиннымъ христіанскимъ благочестіемъ, добровольно прощая своего убійцу, и выражая желаніе видѣться съ нимъ и пожать его руку въ знакъ прощенія, скончался В. въ 4 часа пополудни 8 Іюня, 1768 года, еще полный силъ, на 51 году отъ рожденія, на 13 году своего пребыванія въ Италіи.» Такая злая смерть прекратила его многополезную, незабвенную для потомства жизнь, ознаменованную великими трудами, которыя вмѣстѣ съ именемъ науки (археологін), имъ созданной, будутъ вѣчно передавать его славное имя потомству.

Гнусный убійца В. Арканджели былъ родомъ изъ Пистойи, тосканскаго города, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ участкомъ земли. Съ ранней молодости, исправляя должность повара, обнаружилъ онъ въ себѣ самыя гнусныя наклонности, и вскорѣ пере-

¹ Его духовное завѣщаніе, послѣднія строки, написанныя его рукою, и содержащія наставленія, какъ должна быть издана его исторія искусства, также точно описъ вещей, у него найденныхъ, помѣщены на стр. 30 его біографіи, приложенной къ дрезденскому изданію его сочиненій 1839 года.

мѣнилъ свое ремесло на воровство и мошенничество. Незадолго предъ совершеннымъ имъ преступленіемъ, онъ содержался въ вѣнской крѣпости, за покражу нѣсколькихъ сотъ гульденовъ у своего господина. Освобожденный по случаю бракосочетанія эрцгерцога Леопольда, онъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ и, скитаясь изъ Венеціи въ Триэсть, и обратно, выискивалъ случая обогатиться воровствомъ. Въ этомъ расположеніи мыслей встрѣтился онъ съ В., и послѣдній палъ жертвою его гнуснаго корыстолюбія. Совершивъ преступленіе, Арканджели бросился бѣжать безъ сюртука и шляпы и только чрезъ недѣлю былъ остановленъ въ Планинѣ австрійскимъ офицеромъ, преданъ въ руки правительства и осужденъ на жестокую казнь (колесованіе), которая и была исполнена надъ нимъ въ Триэсть 20 Іюля.

Вѣсть о страшной смерти В. скоро пронеслась по всей Германіи и возбудила всеобщее горе. Товарищъ его путешествія, Кавачеппи, услышалъ ее въ первый разъ въ Берлинѣ изъ устъ самого короля Фридриха II, который, несмотря на воинственный свой характеръ, умѣлъ высоко цѣнить духовныя заслуги такого знатока древняго искусства, какъ В. Другой современный дѣятель на поприщѣ искусства Лессингъ, прочитавъ извѣстіе о злой судьбѣ В., писалъ, что это — писатель, которому онъ охотно подарилъ бы года два изъ собственной своей жизни. Замѣтимъ, что это желаніе высказывалъ литературный противникъ В-а. Отношенія между ними были вовсе не дружественныя, но оба признавали другъ въ другѣ высокія достоинства, и это желаніе Лессинга — лучшее доказательство тому, какъ высоко цѣнили онъ В-а. Но заслуги В. были такъ значительны, что онъ могъ полагаться не только на признательность современниковъ, но еще больше — потомства. Кромѣ того горячаго сочувствія и любви, которыми исполнены къ нему всѣ ученые и обрацикъ которыхъ можно видѣть въ статьяхъ: Гёте о В-ѣ, и Шеллинга: «Объ отношеніи образовательныхъ искусствъ къ природѣ», въ 1832 г. трудами и усиліями благороднаго Доминика Розетти и его согражданъ былъ воздвигнутъ въ Триэсть великолѣпный саркофагъ изъ венеціанскаго и каррарскаго мрамора, который изображаетъ плачущаго генія надъ умершимъ В-мъ, и въ символахъ — всю его ученую дѣятельность. Весь памятникъ превосходно исполненъ художникомъ Антоніемъ Бозой (Antonio Bosa). Въ Берлинѣ чтители его великой памяти съ давняго времени собираются ежегодно 9 Декабря и празднуютъ день его рожденія.

Посвятивъ большую часть нашего разсказа характеристикъ В., мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнемъ его видѣ и свойствахъ.

При каждомъ полномъ собраніи его сочиненій можно видѣть и его портретъ. Нѣсколько разъ еще при жизни своей позволялъ онъ пріятелямъ срисовывать себя. Первый портретъ его былъ сдѣланъ въ 1760 г. датскимъ живописцемъ Гальсомъ, потомъ Менгсомъ и Анджеликой Кауфманъ; но самый лучший и самый похожій принадлежитъ Антонію Марену, родственнику Менгса. Этотъ портретъ, написанный въ 1767 году, представляетъ его въ обыкновенномъ его зимнемъ нарядѣ: шубѣ, вывезенной имъ изъ Германіи (которую онъ постоянно носилъ у себя въ комнатѣ, не позволяя отоплять ее), и съ шелковой повязкой на головѣ.

В. былъ средняго роста и не отличался особенно красивою наружностью. Цвѣтъ его лица былъ смуглый, глаза черные, живые, глубоко лежащіе, губы полныя; поступь его была непринужденная, благородная, движенія быстрыя. Онъ нюхалъ табакъ, и притомъ былъ чрезвычайно опрятенъ въ своей одеждѣ безъ педантической заботливости. По нѣмецки говорилъ онъ на саксонскомъ діалектѣ, но въ Римѣ предпочиталъ итальянскій языкъ, если только не приводилъ имъ въ затрудненіе своего собесѣдника.

Голосъ его былъ громкій, чистый и внятный, обыкновенная рѣчь его была скорая, но когда онъ описывалъ или объяснялъ что нибудь, то говорилъ медленно. Онъ легко разгорячался и о предметахъ, возбуждавшихъ его удивленіе говорилъ восторженно. (Изъ письма Фюсли, современника и друга Винкельмана.)

Предоставляя другимъ подробную оцѣнку и критическій разборъ произведеній В.-а, мы позволяемъ себѣ только нѣсколько общихъ словъ о великой его заслугѣ предъ лицомъ науки и искусства и объ отношеніи его изслѣдованій къ наукѣ нашего времени. До В. только художники изучали эстетически произведенія древности, и то съ практической цѣлью, объ исторіи же древняго искусства, различныхъ эпохахъ его развитія и раздѣленіи сохранившихся памятниковъ по этимъ эпохамъ и стилямъ никто еще не думалъ.

Вообще теоретическое и историческое изученіе древняго искусства почти еще не начиналось. Бóльшая часть писателей, о которыхъ упоминаетъ и В. въ предисловіи, впадали въ странныя ошибки и всѣ памятники, найденные въ Италіи, относили къ римскому времени. В. первый положилъ прочное основаніе новой наукѣ и

по всей справедливости можетъ быть названъ ея творцомъ. Онъ довелъ ее до возможной въ то время степени совершенства и оставилъ по себѣ великій и драгоцѣнный запасъ художественныхъ знаній, къ которому будутъ всегда обращаться новѣйшіе изслѣдователи. Но человекъ не созидаетъ ничего на вѣки; немногія, превосходныя произведенія искусства переживаютъ нѣсколько вѣковъ, и даже тысячелѣтій; наука же подлежитъ закону необходимаго, непрерывнаго развитія и съ каждымъ новымъ достойнымъ дѣятелемъ становится на высшую степень. Въ своемъ поступательномъ движеніи впередъ она отмечаетъ то, что привилось къ ней ложнаго, ошибочнаго, свято охраняя истинное.

В., вступивъ на новое, еще вовсе невоздѣланное поприще, долженъ былъ пролагать себѣ новые еще непробитые пути; поэтому онъ необходимо долженъ былъ оступаться, и въ его изслѣдованія проникло много погрѣшностей, которыя суждено было исправить его наслѣдникамъ, уже и потому болѣе него счастливымъ, что они могли пользоваться его трудами.

Еще прежде означили мы характеръ его произведеній: не имѣя предшественниковъ въ историческомъ изученіи древняго искусства, непрерывно распространяя свое съ нимъ знакомство, только съ величайшимъ трудомъ могъ онъ установиться на чемъ-нибудь окончательно, и всѣ труды его имѣютъ характеръ болѣе предуготовительныхъ, нежели окончательныхъ. Они даютъ поводъ къ надеждамъ, ожиданіямъ, устремляютъ вдаль взоры наши. Но чѣмъ больше запечатлѣны они этимъ характеромъ живыхъ и еще развивающихся произведеній, тѣмъ могущественнѣе и благотворнѣе дѣйствуютъ на послѣдующихъ ученыхъ: они возбуждаютъ ихъ къ дальнѣйшимъ болѣе удовлетворительнымъ изслѣдованіямъ, не позволяя остановиться на полученныхъ результатахъ.

Кромѣ этого благотворнаго вліянія было много внѣшнихъ счастливыхъ обстоятельствъ, которыя двинули далеко впередъ и значительно измѣнили науку, созданную В-омъ. Наибольшему измѣненію должно было подвергнуться его раздѣленіе искусства на эпохи и опредѣленіе стили каждой изъ нихъ, потому что въ этомъ трудномъ дѣлѣ, отъ котораго однакожъ зависѣло опредѣленіе времени происхожденія сохранившихся памятниковъ, онъ не могъ опереться на достовѣрныя данныя и долженъ былъ руководиться пониманіемъ существа искусства и постепеннаго необходимаго его развитія. На этихъ общихъ соображеніяхъ, до которыхъ дошелъ онъ, между прочимъ изучая итальянское искусство (см. 8 кн. 1 гл.

§ 2 Исторіи искусства), основалъ онъ дѣленіе исторіи и опредѣлилъ стиль каждой эпохи по общимъ признакамъ и тѣмъ немногимъ монетамъ, которыя достоверно принадлежать тому или другому времени. Такъ раздѣлилъ онъ исторію искусства на 4 эпохи: 1-я отличается строгимъ, древнѣйшимъ стилемъ; 2-я высокимъ, который начинается съ Фидіа; 3-я изящнымъ со времени Праксителя до Лисиппа; наконецъ 4-я стилемъ подражателей, который характеризуетъ упадокъ искусства. При такихъ недостаточныхъ общихъ основаніяхъ, не смотря на всю свою гениальность, онъ не могъ вѣрно, безошибочно построить исторію искусства и распределить сохранившіеся памятники по эпохамъ. Послѣдующее время было несравненно счастливѣе въ этомъ отношеніи: новѣйшія открытія дали наконецъ прочное, незыблемое основаніе для построенія исторіи искусства, сообщили возможность достоверно опредѣлить стиль каждой эпохи и уже потомъ сдѣлать болѣе вѣрную классификацію сохранившимся памятникамъ. Такъ въ 1811 году обществомъ нѣмецкихъ и англійскихъ путешественниковъ найдены были эгинскіе мраморы (статуи, находившіяся на фронтонахъ эгинскаго храма, которыя изображаютъ борьбу между Греками и Троянами за трупъ Патрокла и находятся теперь въ мюнхенской глиптотекѣ). По этимъ мраморамъ характеризуется послѣдняя эпоха древнѣйшаго архаическаго стиля. Въ концѣ 18 вѣка лордъ Эльджинъ открылъ скульптурныя изображенія на храмѣ Пареенона, которыя проданы имъ были въ британскій музей; то же общество, которое нашло эгинскіе мраморы, открыло и изваянія, украшавшія храмъ Аполлона близъ древней Фигаліи, и наконецъ въ 1829 году французская экспедиція нашла рельефы храма Зевса Олимпійскаго, которые изображаютъ подвиги Геркулеса и находятся теперь въ Луврѣ. По этимъ памятникамъ можно было съ достоверностью опредѣлить стиль времени процвѣтанія, который В. называетъ высокимъ. Эти открытія совершенно измѣнили видъ дѣла и поколебали всю исторію искусства, какъ она была построена В-омъ. Но кромѣ того археологическая герменевтика (толкованіе древнихъ произведеній по ихъ содержанію) сдѣлала великіе успѣхи и трудами новѣйшихъ ученыхъ была доведена до большаго совершенства. Нашему времени принадлежитъ честь болѣе глубокаго и разумнаго пониманія языческихъ религій и особенно греческой мифологіи — этого неисчислимаго матеріала для образовательныхъ художествъ. Основанная на отчетливомъ изученіи мифологіи, археологическая герменевтика повела къ другимъ, болѣе удовлетвори-

тельными результатамъ, и многія объясненія В. оказались невѣрными.

Но В. не ограничился однимъ историческимъ изученіемъ древняго искусства, которое содержится только въ 4 послѣднихъ книгахъ его исторіи, начиная съ 8-й: большую часть своего труда посвятилъ онъ существу его. Онъ подвергъ древнія произведенія многостороннему отчетливому изученію: опредѣлилъ, въ чемъ заключается ихъ изящество, какое вліяніе на технику имѣлъ различный матеріалъ, который обрабатывали древніе художники; мало того, онъ подробно изслѣдовалъ одѣяніе статуй, красоту отдѣльных частей тѣла, его строеніе или пропорціи. Съ этою послѣднею цѣлью онъ измѣрилъ большую часть древнихъ статуй въ Римѣ, и трактатъ его о пропорціяхъ человѣческаго тѣла въ произведеніяхъ древности (4, 5, 6 главы 5 кн.) принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ и наиболѣе удовлетворительныхъ. Эти его изслѣдованія будутъ имѣть всегда значеніе для науки, къ нимъ и до сихъ поръ обращаются ученые съ великою для себя пользою.

Но не одна наука безконечно многимъ обязана В.-у, обязана ему своимъ существованіемъ: благотворное его вліяніе распространилось и на самое искусство. Вмеѣстѣ съ Рафаэлемъ Менгсомъ, Лессингомъ, и еще больше ихъ, содѣйствовалъ онъ очищенію вкуса и живому пониманію истиннаго изящества, слѣдовательно и возстановленію современнаго искусства въ болѣе совершенномъ видѣ. Для того, чтобъ оцѣнить достойнымъ образомъ произведенія древности, онъ долженъ былъ непрерывно обращать вниманіе своихъ читателей на тихое, безъѣфектное, простое изящество которое составляетъ ихъ душу. Лессингъ, разрушая эстетическіе предразсудки, В., выставивъ на всеобщее удивленіе изящныя, но въ то же время простыя, произведенія древности, научили своихъ современниковъ цѣнить эту изящную простоту; — и Гердеръ, воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, прежде всего обращается къ самому простому роду поэзіи — народнымъ пѣснямъ и собираетъ «голоса народовъ» (*Stimmen der Völker*).

Воспитавши свой вкусъ на древнемъ искусствѣ, В. поставляетъ красоту въ единствѣ и простотѣ и сравниваетъ ее съ водою, почерпнутою изъ глубины источника, которая тѣмъ болѣе считается здоровою, чѣмъ менѣе содержитъ въ себѣ посторонней примѣси, чѣмъ менѣе имѣетъ вкуса. Это вѣрное, простое пониманіе красоты должно было оказать благотворное вліяніе на искусство и освободить его отъ излишней манерности; — и если ученіе В. могло

повести къ бездушному подражанію древнему искусству, то оно не столько было причиною, сколько случайнымъ поводомъ къ такому ложному направленію художниковъ. «Да будетъ далеко отъ насъ намѣреніе укорить тѣмъ великаго мужа, которому обязаны мы вѣчнымъ ученіемъ и откровеніемъ изящнаго! Память его да будетъ священна для насъ, какъ одного изъ величайшихъ благодѣтелей! Онъ стоялъ одиноко, какъ скала, на недоступной высотѣ: во все его время ни одного звука, ни одного живаго движенія, ни малѣйшаго сочувствія во всемъ обширномъ царствѣ науки, которое отвѣчало бы его стремленію. Когда пришли настоящіе его товарищи, тогда дивный мужъ былъ восхищенъ отъ земли. И одна-кожъ такъ безконечно много совершилъ онъ! По своему образу мыслей, по своему духу, онъ принадлежитъ не своему времени, но, или древности, или же времени, котораго былъ творцомъ — настоящему. Своимъ ученіемъ онъ положилъ первую основу тому великому зданію науки о древностяхъ, которое возвели только позднѣйшія времена. Его перваго остигла мысль разсматривать произведенія искусства по образу и законамъ вѣчныхъ произведеній природы, тогда какъ прежде и послѣ него все другое, человеческое, считалось дѣломъ беззаконнаго произвола и не иначе разсматривалось. Его духъ былъ между нами, какъ тихій вѣтерокъ, вѣющій изъ теплыхъ, полуденныхъ странъ: онъ разоблачилъ предъ нами художественное небо временъ прошедшихъ и былъ причиною, что теперь яснымъ и неотуманеннымъ взоромъ мы можемъ созерцать его звѣзды. Какъ чувствовалъ онъ пустоту своего времени! Да, не имѣй мы другаго основанія кромѣ его вѣчнаго чувства дружбы и неумолкавшей потребности наслаждаться ею, то и оно было бы достаточнымъ оправданіемъ нашей духовной любви къ совершенному мужу, — къ мужу классической жизни и классическаго дѣйствія» (Изъ рѣчи Шеллинга объ отношеніи образовательныхъ художествъ къ природѣ).

. А. ГЕОРГІЕВСКИЙ.

